

Фрейд Зигмунд

Этот человек Моисей.

К осени 1938 года у Фрейда уже оставалось мало сил. Все их остатки он вложил в свое последнее, прозвучавшее как взрыв, произведение. То был "Моисей и монотеизм", по сути - три эссе и два предисловия, написанные значительно раньше и подкреплявшие психоаналитическими соображениями гипотезу (уже выдвигавшуюся неоднократно другими) о том, что Моисей был египтянин. Даже проведенное кем-нибудь другим, это исследование, где делалась попытка доказать столь спорную идею, обречено было вызвать бурное недовольство; вышедшее из-под пера человека, который - несмотря на свое отрицание еврейской религии - утверждал, что "в главном" он заедино с евреями, оно легко могло быть расценено как интеллектуальная измена.

Страстное ощущение Фрейдом своего еврейства не может быть поставлено под сомнение, и поэтому "Моисей и монотеизм" произвел тем большее впечатление на ортодоксальные круги. За много лет до того, в письме Максу Графу, который хотел крестить своего сына, Фрейд недвусмысленно писал: "Если вы не дадите своему сыну вырасти, как еврею, вы лишите его таких источников силы, которые не могут быть замещены ничем другим. Пусть он борется с жизнью как еврей, а вы - помогите ему обрести всю ту силу, которая ему для этого понадобится. Не лишайте его этого преимущества". А еще в 1909 году он говорил Карлу Юнгу, что тот призван стать Иошуа бин-Нуном, который завоюет обетованную страну психоанализа, куда ему, Фрейду, подобно Моисею, не суждено вступить. Артуру Шницлеру, в ответ на поздравление с 70-летием, он писал: "Эмоционально еврейство все еще весьма существенно для меня", - а издателю швейцарско-еврейского еженедельника "Юдише прессен-централе": "Я всегда очень сильно ощущал родство со своейрасой и укреплял это чувство в своих детях..." Когда местное отделение "Еврейского научного института" приветствовало его прибытие в Англию, он ответил его членам весьма решительно: "Вы, несомненно, знаете, что я всегда охотно и с гордостью принимал свое еврейство, хотя мое отношение к любой религии, включая нашу, критически негативно".

Однако понадобился приход к власти Гитлера с его теорией еврейства как особой и зловредной разновидности людей, чтобы Фрейд всерьез задумался над вопросом о подлинной сущности еврейства, об особенностях его исторического развития и о причинах традиционно ведущих к его преследованиям. Его ответом на эти вопросы было возрождение к жизни гипотезы о том, что Моисей был египтянином, который разошелся с официальной религией фараонов и, собрав вокруг себя группу последователей, вывел их из Египта. Арнольду Цвейгу он однажды сказал, что его книга будет называться "Этот человек Моисей", с подзаголовком "исторический роман" - и добавил, что эта работа, видимо никогда не будет опубликована. Свой пессимизм Фрейд причудливо обосновывал тем, что Австрия находится под властью католицизма, а такая гипотеза оскорбит католиков. К тому же, выдвинутая основателем психоанализа, она может привести к запрету этого учения и психоаналитических публикаций в стране.

Другое, более серьезное объяснение своих колебаний Фрейд дал спустя несколько недель в письмах тому же Арнольду Цвейгу и Эйтингтону. Он признавал, что ощущает шаткость своих исторических обоснований. Специалистам - писал он, - легко будет дискредитировать меня как профана. Цвейгу он добавлял "Так что оставим лучше эту затею".

Но он не сумел надолго ее оставить, потому что она "мучила (ею) как бездомный призрак". В 1937 году он решил свою проблему тем, что довел до конца два из трех очерков, составляющих книгу, и опубликовал их в своем журнале "Имаго". В первом он снова выдвигал довольно простой тезис, что Моисей был египтянином, а во втором ("Если бы Моисей был египтянином") изобретательно пересматривал библейскую версию истории, исходя из предположения, выдвинутого в первом. Как ни провокативна была публикация,

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org она обходила главный анализ, содержащийся в третьем и самом пространном очерке который, по словам самого Фрейда "был действительно открыт для возражений и опасен (поскольку там содержалось) - приложение (моих выводов) к проблеме происхождения монотеизма и религии вообще". Этот анализ он тогда сохранил в тайне, видимо полагая, что не опубликует его никогда.

Редактируя две первых главы для 'Имаго', он проделал то же самое с третьей и в начале 1938 года отредактировал и ее. Она таила в себе особое очарование для Фрейда, поскольку развивала выводы, к которым он никогда пришел в 'Тотеме и табу' где религия сводилась "к коллективному неврозу, а ее невероятная власть над людьми объяснялась точно так же, как власть невроза над больными пациентами". Но вопреки его утверждению в предисловии, написанном еще до отъезда из Вены, что он не говорит тут ничего нового третья глава ("Моисей, его народ и монотеистическая религия") была намного более резкой, чем "Тотем и табу". Там он исследовал зарождение религии в доисторические времена, здесь он одним ударом подрывал основы еврейской веры и христианской церкви. Но Гитлер - "новый враг, которому я не хотел бы способствовать ни в чем куда опаснее старого (католицизма, - прим. переводчика), с которым мы уже научились жить в мире", - еще не подчинил себе Австрию. Следовало ублаготворить старого врага, и решение было очевидным. Последняя часть "Моисея и монотеизма" должна была остаться в укрытии до тех пор, пока не сможет безопасно появиться на свет или пока кто-нибудь другой, кто придет к тем же выводам, не скажет "В те мрачные времена жил человек, который замышлял то, что я сделал".

Все изменилось после "аншлюса" и эмиграции Фрейда в Лондон "Едва лишь я прибыл в Англию, как ощущал неодолимый соблазн познакомить мир с моими результатами и начал пересматривать третью часть своего эссе, чтобы согласовать ее с первыми двумя, уже опубликованными", - писал он. Результат, как он сам признавался во втором предисловии, написанном уже в Лондоне, был художественно неуклюжим. Тем не менее, его влияние на еврейство представлялось слишком существенным, и когда планы Фрейда стали известны, его стали посещать многие еврейские ученые (в том числе самый выдающийся тогда библеист профессор Яхуда), уговаривая отказаться от публикации.

Фрейд отчетливо сознавал, на что идет "Нечего и говорить, что я нисколько не хочу оскорбить свой народ - писал он Чарльзу Зингеру, - Но что я могу поделать? Всю свою жизнь я отстаивал то, что считал научной истиной, даже когда это было неприятно и небезопасно для моих последователей Я не могу кончить жизнь актом отречения".

Он торопился. Хотя в Амстердаме уже было договорено о немецком издании, он непрерывно писал Эрнсту Джонсу, жена которого переводила книгу на английский, упрашивая ускорить работу. Напомним, что и поначалу его удерживал от публикации только страх за будущее психоанализа в Австрии, а не боязнь еврейского протesta, но он окончательно разъяснил свою позицию, когда встретился с президентом "Еврейского научного института" Яакобом Мейтлисом. Не теряя времени и, наверняка, побуждаемый гостем, который, как вся еврейская община, жаждал узнать, что готовит им Фрейд, он тотчас перешел к своей теории монотеизма: "Он не отдает предпочтения ни одной религии записал Мейтлис - Все религии созданы людьми, и он не видит ни в одной следов святости. Задача науки - вскрыть эту истину и освободить духовную эволюцию от всех позднейших наслоений и чужеродных элементов. Он понимает, что его возненавидят за это. И, тем не менее, он доволен, что его книга вскоре появится. "Она рассердит евреев", - добавил он "

"Моисей и монотеизм" появился на немецком языке в Амстердаме в марте 1939 года, и в день получения авторских экземпляров Фрейд написал Гансу Захсу: "Моисей сегодня появился здесь в двух экземплярах. Мне кажется, это достойный уход". Однако Цвейгу (в числе самых немногих) он признавался и в другом, видимо сожалея, что опубликовал книгу в столь ужасное для еврейства время: "Именно теперь, когда у них все отнято, мне довелось отнять у них самого великого из человека"

"Моисей и монотеизм" был расценен широкими кругами - и не только ортодоксальным еврейством - как одна из самых неудачных фрейдовских работ. Очевидная причина этого состояла в хаотической структуре, сложившейся в результате особенностей ее написания, редактирования и переписывания. Возраст также налагал свои ограничения... Однако в главной своей части книга, как ни странно, лучше вынесла нападки исследователей Библии, чем

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org упреки биологов. Ибо в ней, в отличие от "Тотема и табу", отвергаемое биологией ламарково "наследование приобретенных признаков" не только составляло неотъемлемую часть аргументации, но и объявлялось главной причиной многовекового сохранения чувства вины в еврейской истории, якобы передаваемого из поколения в поколение.

Фрейду оставалось жить всего шесть месяцев... Весь сентябрь его состояние продолжало ухудшаться. Он почти не мог есть, пить и спать*. Утром 21 сентября, когда Шур** сидел у его кровати, Фрейд сказал ему: "Дорогой Шур, вы наверняка помните наш первый разговор. Вы тогда обещали не оставлять меня, когда наступит конец. Теперь мне не осталось ничего, кроме пытки, и я не вижу смысла продолжать".

Шур не забыл... "Когда он снопа пиал в беспамятство, - писал он позднее, - я ввел ему дна кубика морфия. Вскоре он почувствовал облегчение и мирно заснул. Через двенадцать часов я повторил эту дозу. Силы его были настолько исчерпаны, что он впал в кому и больше уже не просыпался. Он умер в три часа утра 23 сентября 1939 года..."

(Из книги Рональда Кларка "Фрейд: человек и его дело")

* Начиная с 1923 года, когда у него был обнаружен рак полости рта, Фрейд перенес 33 тяжелейших операции, последнюю - в августе 1939 года, в Лондоне, за месяц до смерти, которая последовала в возрасте 83 лет. (Прим. переводчика.) ** Макс Шур в течение одиннадцати лет был личным врачом Фрейда. (Прим. переводчика.)

ЧАСТЬ 1. МОИСЕЙ КАК ЕГИПΤЯНИН

Лишить народ человека, которого он прославляет как величайшего из своих сынов, - не из тех поступков, на которые решаешься с легким сердцем, особенно если сам принадлежишь к этому народу. Никакие соображения, однако, не заставили бы меня отказаться от истины в пользу так называемых "национальных интересов". Тем более что в данном случае разъяснение истинной стороны проблемы может лишь углубить понимание сути этих интересов.

Этот человек Моисей, освободитель народа, даровавший ему его религию и законы, жил в такие отдаленные времена, что первым делом возникает вопрос, существовал он вообще или является легендарной фигурой. Если он действительно жил, то это было в XIII-XIV веках до н. э.; сведения о нем содержатся только в еврейских священных книгах и еврейской письменной традиции. Огромное большинство исследователей, хотя и без окончательной исторической уверенности, считает, что Моисей действительно существовал и что исход из Египта, который он возглавил, действительно имел место. Эти историки не без основания утверждают, что вся последующая судьба Израиля просто не может быть понята, если с этим не согласиться. Наука сегодня вообще стала более осторожной и относится к традиции с большим доверием, чем на заре исторических исследований.

Первое, что настораживает нас в личности Моисея, - его имя, которое на иврите пишется "Моше". Возникает законный вопрос: откуда оно взялось? что оно означает? Как известно, на этот вопрос отвечает история Исхода. Из нее мы узнаем, что египетская принцесса, которая вытащила ребенка из нильских вод, нарекла его этим именем, добавив "этимологическое" разъяснение: "Поскольку я вытащила его из воды...". Но это разъяснение явно недостаточно. "Библейское токование имени Моисея, - " тот, что вытащен из воды", - пишет автор "Юдише лексикон", - это народная этимология и не согласуется с активной формой его значения на иврите: "Моше" - это в лучшем случае тот, кто вытаскивает". К этому выражению можно добавить еще два: во-первых, вряд ли можно приписывать египетской принцессе знание ивритской этимологии; а во-вторых, как мы увидим, вода, из которой был вытащен ребенок, скорее всего не была водой Нила, да и вообще какой бы то ни было реки.

* От ивритского глагола "лимшот" - вытаскивать (например, из воды). (Прим. переводчика.)

С другой стороны, многие и уже давно высказывали предположение, что имя "Мозес" взято из египетского словаря. Ограничусь цитатой из Брестеда ("На заре сознания"), основной труд которого, "История Египта", считается весьма

фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org авторитетным. "Существенно отметить, что имя Мозес является египетским. Это попросту египетское слово, означающее "дитя", которое является сокращением таких имен, как "Амон-мозе" (Амон-дитя) или "Пта-мозе" (Пта-дитя), а они сами, в свою очередь, вероятно, являются сокращениями полных выражений "Амон (дал) дитя" или "Пта (дал) дитя". Сокращенное "дитя" довольно рано стало удобной заменой громоздкого полного имени, и слово "Мозе", "дитя" - не редкость на египетских памятниках. Отец Моисея, скорее всего, дал своему сыну имя какого-нибудь египетского бога, вроде Амана или Пта, но это божественное имя постепенно утерялось при употреблении, пока ребенка не стали называть просто "Мозе". Дополнительное "с" в конце появилось при переводе на греческий язык и не связано с ивритом, в котором это имя произносится просто "Моше"..." Я привел цитату буквально и не беру на себя ответственность за все ее детали. Меня, однако, удивляет, что, упоминая все эти имена, Брестед прошел мимо аналогичных богоподобных имен египетских царей: А-мозе (Амос), Тут-мозе (Тутмос) и Ра-мозе (Рамсес).

Можно было бы ожидать, что автор, признавший "Мозе" египетским именем, сделает вывод (или хотя бы предположение), что его носитель и сам был египтянином. В наши времена такие умозаключения -- от имени к расе -- не порицаются, и они тем более законны и убедительны в случае более ранних и примитивных времен. Но, насколько мне известно, ни один историк не сделал такого вывода, включая тех, кто, подобно Брестеду, готов был допустить, что Моисей был "знаком со всей египетской мудростью".

Можно лишь гадать, что их остановило. Возможно, слишком глубокое уважение к библейской традиции. Возможно, им показалось чудовищным само предположение, что этот человек Моисей мог быть неевреем. Как бы то ни было, признав его имя египетским, они не сделали из этого никаких выводов о его происхождении. И если мы действительно придаем вопросу о национальности этого великого человека серьезное значение, мы должны приветствовать любые новые факты, которые могут пролить свет на этот вопрос.

Именно это я пытаюсь сделать в своем небольшом очерке. Новое в нем это приложение психоанализа. Поэтому достигнутые здесь выводы будут приемлемы, пожалуй, только для тех, кто знаком с аналитическим подходом и способен оценить его заключения. Для них, я надеюсь, этот очерк представит определенную ценность.

В 1909 году Отто Ранк, тогда еще находившийся под моим влиянием, опубликовал по моему предложению книгу, озаглавленную "Мифы о рождении героев". В ней он обсуждал тот факт, что "почти все цивилизованные народы на ранней стадии своей истории прославили в мифах и воспели в эпосе своих легендарных царей и принцев, основателей религий, династий, империй и городов, короче - своих национальных героев. При этом особенно фантастическими чертами наделялась история их рождения и раннего детства, и исследователям хорошо известно неоднократно их поражавшее удивительное сходство, можно сказать - тождество таких рассказов, даже относящихся к совершенно разным народам, порой далеко удаленным друг от друга географически".

Следуя Ранку, мы реконструировали (с помощью метода Гальтона) "типичный миф", чтобы сделать более явными основные особенности таких рассказов, и получили следующую формулу. "Герой является сыном знатных родителей, чаще всего царя.

Его рождению препятствуют трудности, вроде полового воздержания или временной стерильности родителей; порой родители вынуждены держать свою связь втайне из-за запретов или других внешних причин. Во время беременности матери или даже раньше некий оракул (или сон) предостерегает отца, что рождение сына повлечет за собой угрозу его безопасности. В результате отец (или заменяющий его человек) приказывает убить новорожденного или подвергнуть его другой крайней опасности; в большинстве случаев ребенка кладут в корзину и бросают в воду. Затем ребенка спасают животные или бедные люди, вроде пастухов; его выкармливает самка животного или бедная женщина.

Выросши и пройдя череду приключений, герой открывает, кто его родители, мстит отцу и, признанный народом, становится славным и могущественным".

Самой древней из реальных исторических личностей, с которыми связан подобный миф, был аккадский царь Саргон, который примерно в 2800 году до н.

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

Э. основал Вавилон. В наших интересах уместно привести слова, сказанные им о самом себе: "Я Саргон, великий царь, царь Аккада. Моя мать была жрицей, своего отца я не знаю, а брат моего отца жил в горах. В городе Азупирани, на берегах Евфрата, моя мать, жрица, зачала меня. Втайне родила она меня. Она положила меня в камышовую корзину, засыпала отверстие смолой и опустила в реку. Поток не поглотил меня, а принес к Акки-водоносу. Акки-водонос, добрый человек, извлек меня из воды. Акки-водонос воспитал меня как своего сына. Акки-водонос сделал меня надсмотрщиком в своем саду. Там меня возлюбила Иштар. Я стал царем и правил сорок пять лет".

Самыми известными именами в перечне, открываемом Саргоном, являются Моисей, Кир и Ромул. Но Ранк в добавок перечисляет и многих других мифических или эпических героев, которым точно такая же биография приписывалась полностью или частично: Эдип, Парис, Персей, Гильгамеш и другие.

Работа Ранка вскрывает источники и цели подобных мифов. Мне достаточно лишь упомянуть ее выводы. Герой обычно оказывается противником своего отца, мужественно противостоит ему и, в конце концов, побеждает. Миф возводит истоки этой борьбы к самому началу жизни героя, поскольку тот рождается вопреки воле отца и спасается вопреки его злым намерениям. Помещение в корзину явно символизирует рождение: корзина - это матка, река окоплодные воды*. Зафиксированы бесчисленные сны, в которых рождение представляется как спасение из воды. Когда воображение приписывает такой миф реальной знаменитой личности, оно попросту подгоняет ее жизнь под типичную схему. Внутренним источником такого мифа является так называемый "семейный роман" ребенка, то есть отраженный в его психике процесс постепенных перемен в отношении к родителям, в особенности к отцу. Первые годы жизни ребенка проходят под знаком огромной переоценки отца, поэтому "цари", "принцы" и т. д. в мифах, сказках и снах попросту символизируют повелителя-отца. Позднее, под влиянием соперничества с отцом и реальных разочарований, происходит постепенное высвобождение из-под власти родителей и возникает критическое отношение к ним. Следовательно, две семьи в мифе, знатная и бедная, символизируют просто два представления об одной и той же, собственной семье, через которые ребенок проходит на разных стадиях своей жизни.

Не будет преувеличением сказать, что эти психологические толкования объясняют как поразительное сходство, так и широчайшее распространение "мифов о рождении героя". Тем более интересно, что миф о рождении Моисея стоит среди них особняком, потому что в одном существенном пункте он противоречит всем остальным.

* Вот почему Моисеи был вытащен не из "нильской воды". (Прим. переводчика.)

Мы говорили о двух семьях, с которыми миф связывает судьбу ребенка. Мы видели, что психоаналитическое толкование сводит их в одну единственную собственную реальную семью, и все различие между ними - чисто стадиальное. В типичной форме мифа первая семья (та в которой ребенок рождается) является знатной или даже королевской, вторая (в которой он вырастает) - бедной и скромной. Только в истории Эдипа положение несколько иное ребенок, родившийся в одной царской семье, воспитывается в другой, тоже царской. Тут сам миф как бы указывает на тождество обеих семей Социальный контраст между "двумя семьями" (который подчеркивает героическое "восхождение великого человека) имеет и еще одну функцию особенно важную в случае реальных исторических героев миф в данном случае, гарантирует герою знатность происхождения и этим поднимает его исходный социальный статус. Так царь Кир был для мидян всего лишь чужеземным завоевателем. Но миф о знатном происхождении превратил его во внука их прежнего царя. Аналогичное происходит и в мифе о Ромуле: если такой человек существовал то он, скорее всего, был безвестным авантюристом; миф же делает его потомком и, следовательно, законным наследником царского дома Альба Лонга.

В случае Моисея происходит обратное. Здесь первая семья обычно столь знатная, оказывается довольно простой Моисеем - сыном еврейских левитов. Зато вторая семья - та бедная, в которой герой обычно вырастает, - превратилась в правящее семейство Египта. Это отклонение от стереотипа давно бросалось в глаза многим исследователям Эдвард Мейер и вслед за ним другие предположили поэтому, что исходная форма мифа о Моисее была иной. Это фараон в действительности увидел пророческий сон, что сын его дочери принцессы станет угрозой для него и его царства. Вот почему ребенок Моисей сразу же после рождения был брошен в воды Нила. А спасли его - евреи, которые и

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org воспитали его как своего Позднее же национальные причины', по выражению Ранка, привели к постепенному преобразованию мифа в ту форму, в которой он известен нам теперь.

Однако простые рассуждения показывают, что такого рода 'стандартный' миф в случае Моисея попросту не мог возникнуть. Такой миф мог быть либо египетского, либо еврейского происхождения. Первое можно сразу исключить. В самом деле, у египтян не было причин превозносить Моисея - для них он не был героем. Стало быть, легенда возникла среди евреев и была (в своей обычной форме мифа 'о знатном происхождении') приписана их вождю. Но такая обычная форма в данном случае была совершенно непригодна: зачем народу легенда, по которой его национальный герой - знатный чужеземец? далее миф о Моисее (в его нынешней форме) разительно не соответствует скрытым целям стандартного "мифа о рождении". Если Моисей - не царского происхождения такая легенда не может превратить его в "героя", если же он еврей, она ничего не добавляет к его статусу. Действенной остается лишь одна маленькая деталь спасение вопреки мощным противодействующим силам. (Интересно, что аналогичная деталь повторяется в истории Иисуса, где Ирод играет роль фараона). Поэтому мы имеем право заключить, что во времена более поздней и довольно неуклюжей обработки легендарного материала евреи почему-то сочли попросту необходимым приписать своему герою Моисею определенные приметы из стандартного мифа о рождении типичных героев, хотя именно Моисею в силу его собственных обстоятельств, они не подходили.

На этом неудовлетворительном и даже неубедительном выводе нам и пришлось бы закончить наше исследование, ничего не добавив, в сущности, к вопросу, был ли Моисей египтянином, если бы не существовал другой и более плодотворный подход к самому "мифу о рождении".

Вернемся к двум упоминаемым в нем семьям. С точки зрения психоаналитической интерпретации они - одна и та же семья. С точки зрения мифа это две семьи, (знатная и богатая) если миф относится к реальной исторической личности, то существует еще одно различие - между реальностью и вымыслом. Одна из семей - та, в которой он реально родился и вырос действительно существовала. Другая - плод вымысла она придумана в мифических целях. Как правило, в случае реальных героев реальной бывает бедная семья, вымышленной, приписанной - знатная. Но в случае Моисея что то и тут не сходится*. Попробуем тогда прояснить дело иным способом. В случае реальных героев вымышленной обычно является та семья, где ребенку якобы угрожает опасность, а реальной - та, в которой он (согласно мифу) вырастает. Если набраться смелости и принять этот способ различия реальности и вымысла за общее правило (которому должна тогда подчиняться и легенда о Моисее), то мы внезапно оказываемся перед настежь распахнутой дверью. Моисей - египтянин (возможно - знатного происхождения), которого с помощью 'мифа о рождении' народ преобразовал в еврея. Это и есть наш окончательный вывод! Даже эпизод с корзиной теперь становится на место, наш вывод заставляет думать что его функция была перевернута, и притом довольно насищенно: в обычном мифе с помощью корзины избавляются от "своего" ребенка в данном случае принцесса инсценирует спасение "чужого", якобы еврейского.

Отличие Моисеевой легенды от всех других того же рода связано, видимо с коренной особенностью жизни героя. В то время как другие мифические герои постепенно поднимаются над исходным скромным уровнем, героическая история человека Моисея началась с того, что он опустился с египетских высот на уровень сынов Израиля.

* Фрейд имеет в виду, что по логике, как только что продемонстрировано, Моисей египтянин происходил действительно из знатной семьи (Прим переводчика.)

Наш небольшой экскурс был предпринят для того, чтобы найти новые, свежие доводы в пользу предположения, что Моисей действительно был египтянином. Мы видели что довод "от имени" не считается доказательным.* Нужно приготовиться к тому, что и новый подход - через анализ 'мифа о рождении' - будет принят так же. Нам, скорее всего, возразят, что обстоятельства зарождения и переделки легенд слишком темны, чтобы строить на них подобные выводы, и что все попытки извлечь из них историческую правду заранее обречены на провал в силу невнятности и противоречий, окружающих героическую личность Моисея, а также несомненных признаков намеренных искажений и наслоений, накопившихся вокруг него за века. Лично я не разделяю такого пессимизма, но и не считаю себя вправе с ним

фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
полемизировать.

Но если мы не можем достичь большей уверенности, зачем вообще я вынес это расследование на суд широкой публики? К сожалению, даже на этот вопрос я могу ответить только обиняками Я могу лишь сказать, что если кого-нибудь увлекут изложенные выше соображения и он примет всерьез что Моисей был знатным египтянином, перед ним откроются интересные и далеко идущие возможности. Сделав определенные предположения, он сможет понять какие причины руководили Моисеем в его необычной затее, а отсюда - прийти к возможному объяснению многих особенностей тех законов и религии, которые Моисей даровал евреям. Все это в свою очередь позволит выдвинуть некоторые соображения о природе монотеистической религии вообще. Но такие ответственные рассуждения не могут базироваться на одной только психологической вероятности. Даже если принять, что Моисей был египтянином, нужно иметь хоть какое то прочное историческое основание, чтобы оградить вытекающие из этого следствия от упрека в том, что они являются плодом чистой фантазии и весьма далеки от всякой реальности. Таким основанием могло бы послужить какое-нибудь объективное свидетельство, относящееся к тем временам, когда жил Моисей и происходил исход из Египта. Но таких свидетельств что-то не видно, и потому нам действительно лучше, пожалуй, покончить на этом с обсуждением возможных следствий вытекающих из предположения, что наш Моисей на самом деле был египтянином

Часть 2 ЕСЛИ БЫ МОИСЕЙ БЫЛ ЕГИПТЯНИНОМ

В первой части этого очерка я пытался найти новые доводы в пользу того, что этот человек Моисей освободитель и законодатель еврейского народа был не евреем, а египтянином. То обстоятельство, что его имя принадлежит египетскому словарю было подмечено давно, хотя и не оценено по достоинству. Я добавил к этому, что анализ мифа о рождении с необходимостью приводит к выводу, что он был египтянином, в котором народ хотел видеть еврея. В заключение я указал, что такой вывод открывает важные и далеко идущие возможности, но я не был готов тогда их отстаивать. Чем более решительны подобные умозаключения, тем более осторожным следует быть, излагая их, чтобы не выставить под удар здание без надежного фундамента, вроде колосса на глиняных ногах. Никакая вероятность, даже самая соблазнительная, не может гарантировать от ошибки. Даже если все элементы загадки кажутся сошедшими как в сложившейся головоломке, нужно помнить, что кажимость – это еще нестина, астина – не всегда то, что кажется таковой. И вообще, не так уж лестно оказаться в том же ряду, что холастики и талмудисты, которые довольствуются изощренностью собственного ума, нисколько не заботясь, насколько их хитросплетения согласуются с истиной.

Несмотря на то, что эти опасения тяготят меня сегодня не меньше, чем прежде, в борьбе моих противоречивых Желаний победило все же решение дополнить первую часть нижеследующим продолжением. Но и оно, само по себе, тоже является лишь частью целого – и далеко не самой важной его частью

* Так Меир пишет: "Имя Мозе вероятно принадлежало Пинхасу из первой династии Сило". И хотя оно, несомненно, было египетским, это само по себе еще не доказывает, что династия был египетского происхождения разве что имеет связи с Египтом

Допустив, что Моисей действительно был египтянином, мы поначалу выигрываем только то, что оказываемся перед очередной трудной загадкой. Можно ожидать, что когда некое племя готовится к какому-то великому свершению, кто-то из его членов становится (или избирается) вождем. Но трудно понять, что могло побудить знатного египтянина (возможно – принца жреца или аристократа) возглавить толпу культурно отсталых иммигрантов и покинуть вместе с ними свою родную страну. Хорошо известное презрение египтян к иноземцам делает такой поступок особенно невероятным. Я даже склонен думать, что именно поэтому историки, признавшие его имя египетским и приписавшие ему всю египетскую мудрость, не решились обсудить очевидную возможность, что он вообще был египтянином

За первой трудностью следует вторая. Не нужно забывать, что Моисей был не просто политическим вождем живших в Египте евреев, он был также их учителем и законодателем, а главное – человеком, который заставил их принять новую религию, которая до сих пор называется 'моисеевой'. Но способен ли один человек с такой легкостью создать новую религию? И если уж он хочет навязать какую то религию другому, не будет ли самым естественным

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org навязывать ему свою собственную? Евреи в Египте наверняка имели какую-то религию, и если Моисей, давший им взамен новую, был египтянином, то нельзя отвергнуть с порога возможность что эта новая, другая религия попросту была - египетской.

Но тут то мы и наталкиваемся на трудность: резкое противоречие между еврейской религией, приписываемой Моисею, и религией Египта. Первая была невероятно жестким монотеизмом. Существует только один Бог - единственный всемогущий непостижимый. Созерцать Его невозможно, запрещено делать Его изображения, даже Имя Его нельзя произносить. Напротив, в египетской религии существовало не вообразимое множество богов самого разного происхождения и значения. Некоторые из них были воплощениями натуральных стихий - неба земли солнца и луны другие были абстракциями вроде Маат (Справедливость Истина), третьи - гротескными созданиями, вроде карликовой Бес. Но большинство из них составляли местные божки, напоминавшие о тех временах, когда страна еще была разделена на многочисленные провинции. Все они имели облик животных, словно еще не успели расстаться со своим прообразом - древним животным тотемом. Между ними нет даже четкого различия по функциям Гимны в их честь говорят о каждом одно и то же и беззаботно отождествляют их друг с другом, безнадежно запутывая весь пантеон. Имена одних сочетаются с именами других, превращаясь, порой в простые эпитеты. Так во времена расцвета так называемого 'нового царства' главный бог города Фивы именовался Амон Ра; причем в этом сочетании первая часть означала бараноголовое городское божество. А вторая - ястребиное головного солнечного бога из провинции Он. В религиозных церемониях в честь всех этих богов (как и в повседневной жизни египтян) широко использовались магические заклинания формулы и амулеты.

Некоторые из этих различий можно легко объяснить принципиальным отличием последовательного монотеизма от безграничного политеизма. Другие явно связаны с разницей в интеллектуальном уровне: одна религия близка к примитивной другой воспаряет к вершинам утонченной абстракции. Возможно, именно поэтому кажется иногда, что противоположность моисеевой и египетской религии является чуть ли не сознательной и намеренно подчеркнутой: к примеру, там, где одна сурово осуждает всякую магию и колдовство, в другой они процветают в изобилии; а там где египтяне с ненасытным жаром создают все новые подобия своих богов в камне глине и металле, другая религия категорически запрещает творить любые подобия живых или даже воображаемых существ.

Существует еще одно различие между этими двумя религиями, в объяснение которого не хотелось бы вдаваться. Ни один древний народ не посвятил так много сил преодолению смерти, не предпринимал таких тщательных приготовлений к загробной жизни, как египтяне: не случайно самым популярным и неоспоримым из египетских богов был именно Осирис, правитель иного мира. Напротив, ранняя еврейская религия начисто отказывалась от бессмертия и даже не упоминала о возможности загробной жизни. Это тем более примечательно, что, как показало последующее развитие, вера в такую жизнь вполне согласуется с монотеизмом.

Я надеялся, что, приняв египетское происхождение Моисея, покажу, какой это проливает свет и какие дальнейшие стимулы дает. И вот, первый же вывод из этого предположения о том, что религия, которую он дал евреям, была его собственной, египетской, - натолкнулся на различие да где там' - на полную противоположность этих двух религий.

II

Но тут открывается новый подход, основанный на одном странном факте из истории египетской религии, который был обнаружен и по достоинству оценен лишь сравнительно недавно. Оказывается, можно все-таки думать, что Моисей дал евреям некую свою тоже египетскую религию - хотя это не обязательно была господствующая религия Египта.

Во времена великой Восемнадцатой династии, когда Египет впервые стал мировой державой примерно в 1375 году до н.э., на трон взошел некий молодой фараон, который поначалу взял себе имя Аменхотеп (IV), по примеру своего отца, а затем сменил это имя - да и не только одно имя. Этот фараон задался целью навязать своим подданным новую религию, которая отличалась от их древних традиций и всех знакомых обычаяев. То был последовательный монотеизм первый в своем роде, насколько нам известно, в истории человечества, а из

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org этой веры в единого Бога вытекала религиозная нетерпимость, неведомая древним ни до, ни после того. Однако правление Аменхотепа продолжалось всего семнадцать лет; вскоре после его смерти (в 1358 году) новая религия была отвергнута, а память о царе еретике предана проклятию. Развалины его новой столицы построенной в честь единого Бога, да надписи на могильных плитах вот и все источники, из которых мы узнаем то немногое, что нам о нем известно. Все связанное с этим необыкновенным, поистине уникальным человеком вызывает величайший интерес. Новое всегда имеет корни в том, что уже было. Корни египетского монотеизма тоже можно с определенной уверенностью проследить на некоторое время вспять*. В жреческой школе храма Солнца в Он (Гелиополис) издавна развивалась идея универсального божества и его нравственных законов. Маат - богиня справедливости, правды и порядка считалась дочерью солнечного бога Ра. Уже при Аменхотепе III, Отце и предшественнике реформатора, поклонение солнечному богу было на подъеме вероятно, как оппозиция преклонению перед Амоном из Фив, который стал слишком могущественным. Было заново открыто древнее имя солнечного бога Атон (или Атум), и в этой религии Атона молодой фараон нашел учение, которое даже не надо было создавать - достаточно было к нему примкнуть.

Здесь я следую за книгами Брестеда и соответствующими главами "Кембриджской древней истории".

Примерно в то же самое время возникли политические обстоятельства, которые оказали длительное воздействие на египетскую религию. Благодаря победоносным походам великого завоевателя Тутмоса III Египет стал мировой державой. Он подчинил себе Нубию на юге, Палестину, Сирию и часть Месопотамии на севере. Египет стал империей, и это отразилось в религии становлением универсальности и монотеизма. Поскольку власть фараона теперь простиралась на Нубию и Сирию, боги тоже должны были выйти за национальные пределы, и новый бог египтян должен был стать подобным фараону единственным и всемогущим повелителем всего известного египтянам мира. Кроме того, было лишь естественным, что по мере расширения границ Египет открывался чужеземным влияниям - некоторые жены фараона были азиатскими принцессами (возможно, даже Нефертити, любимая жена Аменхотепа IV), и не исключено, что идеи монотеизма тоже пришли прямиком из Сирии.

Аменхотеп никогда не отрицал своего вклада в культ солнца. В двух гимнах Атону, которые сохранились на могильных плитах и были, вероятно, сочинены им самим, фараон восхваляет солнце, как создателя и хранителя всего живого в Египте и вне его, с такой страстью, которую можно встретить разве что в написанных столетия спустя еврейских псалмах в честь Ягве. Но Аменхотеп не ограничился этим поразительным предвосхищением наших нынешних познаний о благотворности солнечного света. Нет сомнений, что он пошел дальше: он поклонялся солнцу не только как материальному объекту, но и как символу божества, всесилие которого проявляется в его сиянии*.

* Брестед: "Как бы ни было очевидно гелиопольское происхождение новой государственной религии, она не была простым поклонением солнцу: в одном месте слово Атон используется вместо старого "бог" (нутер), и этот бог явно отличается от материального солнца... фараон явно обожествлял ту силу, с которой солнце проявляет себя на земле". То же самое говорит Эрман в книге "Религия Египта": "Употребляются слова, которые в абстрактной форме выражают, что поклоняются не самому солнцу, а Существу, проявляющемуся через него".

Но мы принизили бы значение фараона, если бы видели в нем всего лишь поклонника и покровителя религии Атона, уже существовавшей до него. Его деятельность была куда более энергичной. Он добавил кое-что, превратившее доктрину универсального бога в монотеизм: исключительность. В одном из его гимнов это выражено следующими словами: "О Ты, единственный Бог, нет других Богов, кроме Тебя". А при оценке любой новой доктрины нельзя ограничиваться только тем, что она утверждает; не менее важно, что она отвергает. Было бы ошибкой думать также, будто новая религия возникла сразу во всем всеоружии, как Афина из головы Зевса. Напротив, все указывает, что во времена Аменхотепа она постепенно приобретала все большую ясность, последовательность, жесткость и нетерпимость. Возможно, это произошло под влиянием яростной оппозиции со стороны жрецов Амона, которые однако по-настоящему подняли голову только после смерти фараона.

Во всяком случае на шестом году царствования Аменхотепа эта оппозиция так усилилась, что фараон решил поменять свое имя, в которое входило частью имя

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org ныне опального Амона. Он стал называть себя Эхнатоном. (По Брестеду это означает примерно то же, что прежнее имя: "Бог доволен".) Он изгнал старого бога не только из своего имени, но также изо всех надписей и даже из имени своего отца, Аменхотепа III. Вскоре после смены имени Эхнатон покинул старую столицу, Фивы, где правил бог Амон, и основал новую ниже по реке, назвав ее Ахетатон (Горизонт Атона). Развалины этого города известны сегодня как Тель-аль-Амарна. (Именно в этих руинах была в 1887 году найдена переписка египетских царей с их азиатскими вассалами, которая дала неоценимые сведения о древней истории.)

Преследования коснулись прежде всего Амона - но отнюдь не его одного. Повсюду в Египте были закрыты старые храмы, запрещены традиционные богослужения и конфискована собственность жрецов. В своем рвении фараон дошел до того, что учредил расследование древних надписей, дабы удалить из них слово "Бог", если оно употреблялось во множественном числе. Неудивительно, что все эти приказы породили фанатическую ненависть притесняемых жрецов и недовольного населения, которая вырвалась наружу сразу после смерти фараона. Культ Атона не привлекал людей; поклонение ему, вероятно, ограничивалось тесным кругом придворных. Конец Эхнатона окутан тайной. Известно, что ему наследовало несколько членов его семьи, но все они правили очень недолго. Уже его сын Тутанхамон вынужден был вернуться в Фивы и заменить в своем имени слово "Атон" на "Амон". Затем наступил период всеобщей анархии, пока военачальник Харемхаб, захвативший трон в 1350 году, не восстановил порядок. Великая Восемнадцатая династия была истреблена; ее завоевания в Нубии и Азии были утрачены; и в эти же печальные времена была восстановлена старая религия. С культом Атона было покончено, столица Эхнатона была разрушена и разграблена, а сам он - предан проклятию как совратитель.

Отметим некоторые негативные особенности этого культа, которые будут важны нам для дальнейшего. Прежде всего, он отвергает всякую мифологию, магию и волшебство*.

Вейгал в книге "Жизнь и дни Эхнатона" говорит, что Эхнатон не признавал адских ужасов, от которых следует-де защищаться магическими заклинаниями. "Все эти заклинания он предал огню. Джилы, духи, чудовища, полубоги и сам Озирис вспыхнули ярким пламенем и превратились в плах".

Далее, интересен способ, которым представлялся Бог-Солнце, - не маленькой пирамидой с соколом над ней, как прежде, а почти продуманно круглым диском, из которого исходят лучи, кончающиеся в человеческих руках. При всей любви к фигуративному искусству, характерной для периода Амарны, не сохранилось ни одного фигуративного изображения солнечного бога Атона - да и не могло, скажем с уверенностью, сохраниться. (Вейгал: "Эхнатон запретил делать идолы и кумиры в честь нового бога. Истинный Бог, говорил фараон, не имеет обличья: и этого мнения он придерживался всю жизнь".)

Наконец мы видим полное молчание относительно бога Озириса и его царства мертвых. Ни гимны, ни могильные надписи Амарны ничего не упоминают о том, что было, вероятно, ближе всего египетскому сердцу. Вряд ли можно найти более яркое противоречие с массовой религией Египта*.

* Эрман: "Об Озирисе и его царстве больше не упоминается". Брестед: "Озирис абсолютно забыт. Он не упоминается ни в одном тексте Эхнатона и ни на одной из могил Амарны".

III

Я рискну сделать следующий вывод: если Моисей был египтянином и передал евреям свою религию, то религия эта была эхнатоновой, то есть культом Атона.

Я уже сравнивал выше еврейскую религию с массовой религией Египта и показал, как отличны они друг от друга. Теперь я сравню эту религию с культом Атона в надежде показать, что поначалу они были идентичны. Понятно, это нелегкая задача. О культе Атона мы знаем довольно мало - об этом позаботились мстительные жрецы Амона. Моисееву религию мы знаем только в ее окончательной форме, запечатленной еврейскими жрецами через восемь веков после Исхода. Если, несмотря на это, нам удастся найти подтверждения своей гипотезы, ценность их будет тем более высока.

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

Кажется, самый простой способ доказать тождественность моисеевой религии культу Атона - это сравнить исповедания веры в обоих случаях. Боюсь, однако, что такой путь нам не подходит. Еврейское исповедание веры, как хорошо известно, гласит: "Шма Исраэль Адонай Элоэну Адонай Эхад". Если сходство египетского имени Атон с еврейским Адонай (и сирийским божественным именем Адонис) не простая случайность, а следствие исходного тождества звучания и значения, то приведенную формулу можно перевести так: "Слушай, Израиль, наш Бог Атон (Адонай) - единственный Бог". Увы, у меня нет нужных познаний в этом вопросе, и я ничего не мог найти в соответствующей литературе; да, пожалуй, нам и не стоит так облегчать себе задачу. Впрочем, мы еще вернемся к проблеме божественного имени.

Как сходство, так и различия обеих религий легко обнаружить - но это мало что дает. Если ограничиться самым принципиальным совпадением, то оно состоит в том, что обе религии - это разновидности строгого монотеизма. В некоторых отношениях еврейский монотеизм даже бескомпромисснее - он, например, запрещает любые зримые изображения Бога. Самое же существенное различие, если не считать имени Бога, состоит в том, что еврейская религия начисто отвергает поклонение солнцу, которого придерживались египтяне. Если же сравнить еврейскую религию со старой, массовой египетской религией, то невозможно избежать впечатления, что кроме принципиальной противоположности тут еще есть элемент сознательного противопоставления. Это впечатление можно объяснить, если в нашем сравнении заменить еврейскую религию культом Атона, который Эхнатон и в самом деле намеренно противопоставлял массовой египетской религии. Нас удивляло, и вполне законно, что еврейская религия ничего не говорит о загробном мире, хотя такое представление вполне согласуется с самым строгим монотеизмом. Но и это удивление исчезает, как только мы перейдем от еврейской религии к культу Атона и предположим, что эта особенность была заимствована евреями из него - ведь Эхнатон был вынужден бороться с массовыми верованиями, в которых бог смерти Озирис играл большую роль, чем все другие боги. Совпадение культа Атона с еврейской религией в этом важном пункте - первый сильный довод в пользу нашей концепции.

Моисей не только дал евреям новую религию; совершенно несомненно, что он ввел также обычай обрезания. Это важное для наших рассуждений обстоятельство никто вообще, кажется, не учитывал. Следует, впрочем, сказать, что ему противоречит библейский текст. В этом тексте обычай обрезания возводится ко временам патриархов - как символ завета, заключенного между Богом и Авраамом. С другой стороны, тот же текст в одном из особенно темных абзацев упоминает, что Бог взъярился на Моисея за то, что тот пренебрег этим священным обычаем, и даже обещал в наказание покарать его. Жена Моисея, мидянитка, спасла мужа от гнева Господня тем, что быстренько проделала необходимую операцию. Но все эти библейские детали - на самом деле - искажения исходного текста, которые не должны нас смущать; мы вскоре займемся их причинами. Остается несомненным, что вопрос об обрезании имеет один-единственный ответ: оно пришло из Египта. Геродот, этот "отец истории", рассказывает, что обычай обрезания давно практиковался в Египте, и его слова подтверждаются исследованием мумий и рисунков на саркофагах. Ни один другой народ восточного Средиземноморья, насколько нам известно, не имел такого обычая; можно с уверенностью сказать, что семиты, вавилоняне и шумеры не были обрезаны. Сама Библия подтверждает это в отношении жителей Ханаана - в рассказе о дочери Яакова и царе Шхема*. Мысль о том, что евреи в Египте восприняли обычай обрезания каким-либо иным путем, не через религию, дарованную им Моисеем, можно отвергнуть как абсолютно несостоятельную. Теперь, запомнив, что обрезание было широко распространено в Египте, попробуем на минуту предположить, что Моисей был в действительности евреем, который задумал освободить своих соотечественников от служения египетским властителям и вывести их из страны, чтобы они обрели независимое, самостоятельное существование, - чего он в конце концов и достиг. Какой смысл был одновременно навязывать им обременительный обычай, который превращал их, так сказать, в египтян и неизбежно подкреплял воспоминания о Египте, если его цель была прямо противоположной - оторвать свой народ от страны рабства, и преодолеть его тоску по египетским "мясным горшкам"? Нет, то, с чего мы начали, и то, чем мы кончили, настолько несовместимо, что я осмелюсь предположить следующее: если Моисей дал евреям не только новую религию, но и обычай обрезания, то он наверняка был не евреем, а египтянином, а потому и моисеева религия была скорее всего египетской; учитывая же ее противоположность массовой религии Египта, она могла быть только религией Атона, с которой еврейская религия имеет несколько примечательных совпадений.

* Используя Библию столь произвольно и деспотически, то есть принимая ее, когда это мне удобно, и отвергая, когда ее детали противоречат моим выводам, я сознательно подставляю свой метод под огонь суровой критики. Но это единственный способ использовать материал, достоверность которого, как нам наверняка известно, весьма подпорчена сознательными искажениями. Надеюсь, когда мы покажем причины этих искажений, кое-что в таком отношении к Библии станет оправданным; в любом случае. Библия не дает надежных оснований, да и все другие авторы трактуют ее так же.

Как я уже отмечал, мое предположение, будто Моисей был не евреем, а египтянином, порождает новую загадку. То, что он сделал, вполне понятно, если это сделал еврей, но необъяснимо для египтянина. Однако если мы отнесем Моисея к временам Эхнатона и свяжем его с фараоном, загадка тотчас разрешается и возможные причины такого поступка напрашиваются сами собой, отвечая на все наши недоумения. Предположим, что Моисей был знатным аристократом, возможно даже членом царской семьи, как и утверждает миф. Он несомненно был выдающимся, амбициозным и энергичным человеком; быть может, в отдаленном будущем он даже видел себя на престоле фараона, вождем народа, правителем империи. Будучи тесно связан с фараоном, он стал убежденным сторонником новой религии, и ее основные принципы, которые он глубоко постиг, стали его жизненными убеждениями. После смерти фараона и наступившей реакции он увидел, что все его мечты и планы развеялись как дым. Если только он не готов был отречься от дорогих ему убеждений, ему нечего было делать в Египте - он потерял родину. В этот тяжелый час он пришел к поразительному решению. Мечтатель Эхнатон оторвался от народа и позволил своей империи рухнуть. Активная натура Моисея изобрела план создания новой империи, с новым народом, которому можно даровать религию, отвергнутую египтянами. Это была, на мой взгляд, героическая попытка сразиться с судьбой, компенсировать себе - сразу в двух направлениях - утраченное в катастрофе Эхнатона. Возможно, во время этой катастрофы Моисей был правителем той пограничной провинции (Гошем), в которой (уже в "гиксосский период") поселились некоторые семитские племена. Их-то он и избрал на роль своего нового народа. Историческое решение!

Моисей установил связь с ними, он стал их вождем и возглавил их Исход "мышцей простертой". В полном противоречии с библейской традицией мы можем смело предположить, что Исход проходил мирно и не вызвал преследования. Это оказалось возможным благодаря авторитету Моисея и отсутствию в тот момент центральной власти, которая могла бы его предотвратить.

По нашей реконструкции Исход из Египта должен был произойти где-то между 1358 и 1350 годами до н. э. - иными словами, сразу после смерти Эхнатона, но еще до того, как Харемхаб восстановил государственную власть. Целью странствия мог быть только Ханаан. После того, как владычество Египта рухнуло, туда хлынули орды воинственных арамеев, которые разрушали и грабили все на своем пути и тем самым показали, где еще может найти себе место под солнцем предприимчивый народ. Мы знаем об этих завоевателях из корреспонденций, найденной в Амарне. Там они именуются "хабиру", и это имя неизвестными путями перешло на еврейских завоевателей, "ивриим", которые пришли позже и не могли еще упоминаться в текстах Амарны. Племена, наиболее близкие к египетским евреям, также жили на юге Палестины, в Ханаане.

Предположенные нами причины Исхода в целом объясняют также вопрос об обрезании. Мы знаем, как люди и народы относятся к этому древнему, почти непонятному сегодня обычью. Те, кто его не практикует, видят в нем нечто странное и даже отвратительное; но те, кто придерживается этого обычая, гордятся им. Они чувствуют свое превосходство, аристократизм и смотрят сверху вниз на других, считая их нечистыми. Даже сегодня турок, когда он хочет оскорбить христианина, называет его "необрезанной собакой". Вполне вероятно, что Моисей, прошедший обрезание как египтянин, относился к нему точно так же. Евреи, с которыми он покинул родную страну, должны были стать улучшенным суррогатом египтян, оставленных позади. Они не должны были ни в коем случае быть ниже их. Он хотел сделать из них "народ святых", - об этом прямо говорит нам библейский текст, - и в знак этого посвящения ввел обычай, который по меньшей мере уравнял их с египтянами. Более того, ему было только на руку, что этот обычай отделял их от других и препятствовал смешиваться с прочими племенами, которые могли встретиться во время странствия - точно так же, как египтяне чурались всех чужеземцев*.

"Геродот, посетивший Египет около 450 года до н. э., отмечает некоторые
Страница 12

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org особенности египтян, потрясающие сходные с известными чертами евреев в более поздний период: "Они набожнее всех других народов. Они также отличаются от них многими обычаями, вроде обрезания, которое ввели раньше других из соображений чистоты и еще отвращением к свинине, которое несомненно идет от рассказа о том, что Сет убил Гора в облике черного кабана; наконец, - своим почитанием коров, которых они никогда не едят и не приносят в жертву, опасаясь оскорбить рогатую Изиду. По этим же причинам ни один египтянин или египтянка никогда не поцелует грека и не станет резать своим ножом, варить в своей посуде или есть мясо чистейшего быка, если он зарезан греческим ножом..."

Кажется, однако, что позже еврейская традиция вдруг начала ощущать гнет тех идей, что мы только что представили. Признать, что обрезание - это египетский обычай, введенный Моисеем, было бы почти равносильно признанию, что и религия, дарованная Моисеем, была египетской. А у евреев были серьезные причины отрицать это; в итоге, они стали замалчивать и правду об обрезании.

IV Дойдя до сих пор, я готов услышать упрек, что построил всю свою конструкцию (которая относит Моисея-египтянина ко временам Эхнатона, приписывает политическому положению страны его решение возглавить еврейский народ и утверждает, что религия, которую он навалил на этот народ, была культом Атона, только что отвергнутым египтянами) - что я построил все это здание чересчур уверенных предположений без всяких подтверждений в историческом материале. Я не думаю, что такой упрек оправдан. Я уже во введении говорил о собственных сомнениях, поставил, так сказать, вопросительный знак перед скобками, и не считаю нужным каждый раз теперь повторять его внутри этих скобок.

Я и сам могу подбросить несколько критических поленьев в огонь последующей дискуссии. Зависимость еврейского монотеизма от монотеистического эпизода египетской истории, это основное ядро моей концепции, была подмечена и раньше некоторыми исследователями. Я не привожу тут их имен, потому что ни один из них не сумел объяснить, как стала возможной такая зависимость. Но даже если она олицетворилась в личности Моисея, как я предположил, нельзя исключить и другие возможности. Нельзя, например, исключить, что и после низвержения официального культа Атона монотеистическая тенденция в Египте могла сохраниться. Школа жрецов в Он, откуда пошла эта традиция, могла пережить катастрофу и вовлечь целые поколения - уже после Эхнатона - в орбиту своей религиозной мысли. Вполне возможно поэтому, что Моисей участвовал в этом деле, даже если он и не жил во времена Эхнатона, и не находился под его личным влиянием, а просто был последователем или даже членом школы в Он. Такое предположение могло бы отодвинуть дату Исхода и приблизить ее к общепринятой (XIII век до н. э.). Но во всем остальном оно не имеет никаких преимуществ. Зато нам пришлось бы отказаться от достигнутого понимания мотивов, которые руководили Моисеем, равно как и от мысли о том, что Исход был ускорен анархией, царившей тогда в Египте. Цари девятнадцатой династии правили уже твердой рукой. Все внутренние и внешние условия, благоприятствовавшие Исходу, совпали только на короткий период после смерти еретического царя.

"С узкобым высокомерием взирают они на всех прочих, считая их нечистыми и более далекими от богов, чем они сами". Разумеется, нельзя не вспомнить здесь также и обычай жизни в Индии. Кстати, что могло навести еврейского поэта XIX века Гейне на мысль обозвать свою религию "заразой, что идет от берегов Нила, извращенными верованиями древних египтян"?

В еврейской апокрифической литературе можно найти многочисленные мифы и поверья, которые в течение веков окружили титаническую фигуру первого вождя евреев и основателя их религии и во многом затмили и затемнили его личность. В этих источниках могут оказаться и те фрагменты здравой традиции, для которых не нашлось места в Пятикнижии. Одна из таких легенд увлекательно рассказывает, как амбиции нашего человека Моисея проявлялись уже в раннем возрасте. Однажды, когда фараон подбрасывал его на руках, трехлетний Моисей ухитрился стащить с его головы корону и водрузить ее на свою собственную голову. Фараон был поражен этим предзнаменованием и поспешил посоветоваться с мудрецами. (Аналогичную, хотя и несколько измененную историю рассказывает Иосиф Флавий.) В другом месте рассказывается о победных войнах, которые Моисей вел в Эфиопии, как египетский военачальник, и о том, как он вынужден был бежать из страны, потому что опасался зависти придворных или даже самого фараона. Сама

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org библейская история наделяет Моисея некоторыми вызывающими доверие чертами. Она описывает его как вспыльчивого, темпераментного человека - во время одной из таких вспышек гнева он убил жестокого надсмотрщика, который издевался над еврейским рабом, в другой раз, раздраженный изменой своего народа, в гневе разбил скрижали Завета, полученные на горе Синай. Сам Господь в конце концов наказал его за нетерпение, - хотя нам не рассказывают, с чем оно было связано. Поскольку раздражительность - не из тех свойств, которые стоило бы возвеличивать, можно думать, что тут есть зерно исторической правды. Нельзя исключить и такую возможность, что многие личные черты, которые евреи на первых порах приписали своему Богу, сделав его ревнивым, суровым и неумолимым, в действительности относятся к их воспоминаниям о Моисее, - ибо в действительности не этот незримый Бог, а этот человек Моисей вывел их из Египта.

Еще одна черта, приписываемая ему, представляет для нас особый интерес. Рассказывают, что Моисей был "косноязычен" - иными словами, заикался или с трудом говорил, - и поэтому для разговоров с фараоном ему приходилось призывать на помощь Аарона (которого называют моисеевым братом). Это опять-таки может быть исторически достоверным и кое-что добавлять к живому портрету нашего великого человека. Но с другой стороны, "косноязычие" Моисея может иметь иное, куда более примечательное объяснение. Здесь в слегка искаженном виде можно видеть следы воспоминаний о том, что Моисей говорил на другом языке и не мог общаться со своими семитскими "неоегиптянами" без помощи переводчика - во всяком случае, на первых порах. Тогда это было бы еще одним подтверждением нашего тезиса: Моисей - египтянин.

Представляется, что теперь мы окончательно исчерпали последовательность наших рассуждений. Из предположения, что Моисей был египтянином, доказано оно или нет, на данном этапе больше ничего извлечь нельзя. Нет такого историка, который не согласился бы, что библейский рассказ о Моисее - это благочестивый миф, который в собственных интересах подменил собой бытую традицию. Но какова была эта исходная традиция, мы не знаем. Хотелось бы, конечно, узнать, и каковы были цели произведенных в ней изменений, но этому мешает полное отсутствие необходимых исторических данных. Нас не должно смущать, что наша реконструкция не включает многих очаровательных деталей библейского текста: десяти казней, перехода через море, торжественного дарования закона на горе Синай. Но гораздо хуже, что мы вошли в противоречие с некоторыми серьезными современными исследованиями.

Эти современные историки, примером которых является Эдуард Мейер, принимают библейский текст в одном принципиальном пункте. Они согласны, что еврейские племена, которые позже стали народом Израиля, в какой-то определенный момент приняли новую религию. Но по их мнению это произошло не в Египте и не у подножья одной из гор Синайского полуострова, а в многоводном оазисе Мерибат-Кадеш в южной Палестине, между восточной оконечностью Синайского полуострова и западной Аравией. Здесь евреи стали поклоняться богу Ягве, вероятно - племенному божеству живших поблизости мидианитов. Возможно, и другие соседние племена тоже поклонялись этому богу. Ягве был, по всей видимости, божеством вулкана. Но, как мы знаем, в Египте нет вулканов, а горы Синайского полуострова никогда не были вулканическими. С другой стороны, проявления вулканической активности вплоть до поздних времен имели место по западной границе Аравии. Один из тамошних вулканов и мог быть той горой Синай-Хорев, на которой по поверьям находилось убежище Ягве. Несмотря на все искажения, которые претерпел библейский текст, мы можем восстановить, по Мейеру, первоначальный характер этого бога: то был жуткий, кровожадный демон, который выходил по ночам и избегал дневного света.

Посредником между народом и этим богом, акушером новой религии был некий человек по имени Моисей. Он был зятем мидианитского жреца Йетро и пас свои стада, когда услышал божественный зов. Йетро посетил его в Мерибат-Кадеш, чтобы преподать ему инструкции.

Эдуард Мейер говорит, это верно, что он нисколько не сомневается в исторической правдивости рассказа о египетском рабстве и о катастрофе, постигшей египтян, - но он явно не знает, куда этот рассказ приткнуть и что с ним делать. Только обычай обрезания он готов считать заимствованием у египтян. Но он добавляет к нашим прежним рассуждениям два важных новых факта: во-первых, что Иошуа призывал народ принять обрезание, "чтобы избежать египетских попреков"; а во-вторых, что по Геродоту финикийцы (вероятно, те же евреи) и сирийцы в Палестине сами признавали, что

фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
заимствовали обрезание у египтян. Однако идея Моисея-египтянина не увлекает Мейера. "Моисей, каким мы его знаем, это прародитель жрецов Кадеша; стало быть, он был связан с тамошним культом, он был героем генеалогического мифа, а не реальной исторической личностью". Таким образом, ни один из тех, кто принимает Моисея за историческую фигуру (за исключением таких, которые считают, что традиция в целом и есть историческая правда), не сумел заполнить его пустой контур конкретным содержанием, описать его как живую личность, рассказать нам, чего он достиг и в чем состояла его миссия в истории.

Зато Мейер, не зная устали, готов еще и еще рассказывать о связи Моисея с Кадешем и мидианитами. "Личность Моисея так тесно связана с мидианитами и их священными местами в пустыне...". "Личность Моисея, неразрывно связана с Кадешем; его связь с мидианитским жрецом через брак с дочерью этого жреца дополняет всю картину. Напротив, его связь с Исходом и вообще вся история его юности оказываются абсолютно второстепенными и придуманы лишь для того, чтобы сделать историю Моисея связной и последовательной". Мейер отмечает также, что все детали, содержащиеся в истории юности Моисея, позже попросту отбрасываются. "Моисей среди мидианитов - это уже не внук египетского фараона, а пастух, которому открылся Ягве. В рассказе о десяти казнях его родство с фараоном больше не упоминается, хотя оно могло быть весьма эффективно использовано, а приказ об убийстве израильских первенцев совершенно забыт. В рассказе об Исходе и гибели египтян Моисея вообще нет; он там не упоминается. Все те признаки героя, которые предполагает история его рождения и детства, совершенно отсутствуют во взрослом Моисее; теперь он только посланец Бога, чудотворец, которого Ягве наделил сверхъестественной силой".

И действительно, невозможно отделаться от впечатления, что этот Моисей в Кадеше и у мидианитов (которому традиция приписывает даже сооружение медного змия в качестве идола-исцелителя) - совершенно другой человек, чем тот "вычисленный" нами царственный египтянин, который открыл своему народу религию, сурово запрещающую всякую магию и волшебство. Наш египетский Моисей отличается от мидианитского Моисея не меньше, чем универсальный бог Атон от демона Ягве на его божественном вулкане. И если мы допускаем, что в этих выводах современных историков есть хоть малейшая крупица истины, то мы должны признать, что нить, которую мы рассчитывали протянуть от предположения о Моисее-египтянине, порвалась вторично и на этот раз, кажется, без всякой надежды снова ее связать.

V

Тем не менее неожиданно, сам собой, открывается выход и из этого тупика. Попытки увидеть в Моисее историческую фигуру (а не просто жреца Кадеша) и вернуть ему его традиционную славу продолжались и после Мейера Грессманом и другими историками. В 1922 году Эрнст Селлин ("Моисей и его значение") сделал открытие решающего значения. Он обнаружил в книге пророка Осии (вторая половина восьмого века до н. э.) безошибочные следы давнего предания, которое свидетельствовало, что основатель еврейской религии Моисей был свержен и убит во время восстания своим жестоковыенным и строптивым народом. Одновременно религия, которую он основал, была заброшена. Это предание встречается не только у Осии; оно повторяется у большинства пророков; Селлин считает даже, что именно оно легло в основу всех последующих ожиданий Мессии. Ближе к концу вавилонского изгнания в еврейской среде возникла надежда, что этот жестоко замученный человек, Моисей, вот-вот вернется из загробного мира и выведет свои раскаявшийся народ, - а возможно, не только этот народ, - в страну вечного блаженства. (Обсуждение буквально ощущимой здесь параллели с Основателем другой религии не входит в круг наших теперешних рассуждений.)

Естественно, я не полномочен решать, правильно ли истолковал Селлин соответствующие места из Пророков. Но если он прав, то обнаруженное им предание следует признать исторически достоверным, - ибо такую историю не имеет смысла придумывать, для этого нет никаких очевидных причин. А если указанные события действительно произошли, легко понять, что их хотели бы предать забвению. Мы вовсе не обязаны принимать на веру все детали предания. К примеру, Селлин полагает, что местом происшествия был Шиттим к востоку от Иордана; мы, однако, увидим, что это не согласуется с нашими рассуждениями.

Примем предположение Селлина, что египтянин Моисей был убит евреями, а
Страница 15

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

основанная им религия - заброшена. Это позволяет нам продолжить нить наших рассуждений, не вступая в противоречие с надежными результатами исторических исследований. Однако в других аспектах мы рискнем пойти независимым от историков путем. Нашим исходным пунктом остается Исход из Египта. По всей вероятности, вместе с Моисеем страну покинуло значительное число людей, маленькая кучка не удовлетворила бы амбиции этого человека с его грандиозными планами. Видимо, иммигранты пробыли в стране достаточно долго, чтобы превратиться в многочисленный народ. Мы однако не очень удалимся от истины, если предположим, вслед за большинством исследователей, что в египетском рабстве находилась лишь часть тех племен, которые впоследствии составили еврейский народ. Иными словами, племя, вышедшее из Египта, объединилось затем с другими, родственными ему племенами, которые жили между Египтом и Ханааном. Этот союз, из которого родился народ Израиля, был скреплен принятием новой, общей для всех племен религии Ягве; согласно Мейеру, это произошло в Кадеше под влиянием мидианитов. После этого народ почувствовал себя достаточно сильным, чтобы предпринять вторжение в Ханаан. Такая последовательность событий не согласуется с предположением, будто поражение Моисея и его религии произошло в Шиттиме, к востоку от Иордана эта катастрофа должна была случиться задолго до объединения племен.

Несомненно, еврейский народ образовался из множества весьма различных составных частей, но главное различие пролегало между теми, кто испытал египетское рабство и все последующие события, и всеми остальными. В этом плане можно сказать, что народ образовался из двух частей, и это согласуется с тем, что некоторое время спустя он распался именно на две части - царство Израиля и царство Иуды. История любит такие повторения, в которых прежние союзы распадаются, а прежние различия снова выходят на первый план. Наиболее впечатляющий и хорошо известный пример тому дала Реформация, которая спустя тысячу лет снова выявила границу между той Германией, что была под властью римлян, и той, которая всегда оставалась независимой. В случае евреев мы не можем подтвердить столь же судьбоносное воспроизведение прежнего положения вещей. Наши сведения о тех временах слишком скучны, чтобы обосновать предположение, будто северное Царство состояло из давних жителей Палестины, а южное - из вернувшихся из Египта; но и в этом случае более поздний распад не мог не быть связанным с предшествующим объединением. Выходцев из Египта было, видимо, меньше, чем остальных, но они стояли на более высоком культурном уровне. Они оказали более значительное влияние на последующую судьбу народа, потому что принесли с собой традицию, которой у тех не было.

Вероятно, они принесли с собой кое-что еще, хоть и не столь ощутимое, как традиция. Одна из величайших загадок древнееврейской истории связана с появлением левитов. Говорят, что они принадлежали к одному из двенадцати колен израилевых, колену Леви, но ни в одном предании нет и намека на то, где проживало это племя первоначально и какая часть завоеванного Ханаана была ему отведена. Левиты занимали самые важные посты и в то же время отличались от жрецов. Левит - не обязательно священник; но это и не название касты. Наше толкование Моисея подсказывает нам объяснение. Нельзя поверить, что такой знатный человек, как Моисей, пришел к чужому народу без свиты. Он должен был привести с собой своих ближайших людей, писцов, слуг. Это и были первые левиты. По библейской традиции Моисей и сам левит. Но тут в Библии ощущается явное искажение истинного положения дел: в действительности, это левиты были людьми Моисея. Такое предположение подкрепляется фактом, на который я указывал в своем предыдущем эссе: в более поздние времена египетские имена встречаются только среди левитов. Можно предположить, что какое-то число этих моисеевых спутников избежало судьбы вождя и его религии. Впоследствии их численность возросла, и они смешались с народом, среди которого жили, но остались по-прежнему верны своему хозяину, чтили его память и сохраняли его учение. Ко времени союза с последователями Ягве они составляли влиятельное меньшинство, культурно превосходившее всех прочих.

Я допускаю, - и это пока только допущение, - что за время от падения Моисея и до принятия религии в Кадеше миновало два поколения, то есть прошло около столетия. У меня нет возможности определить, когда произошла встреча "неоегиптян" (как я буду называть вышедших из Египта) с их кровными родственниками - до или после того, как те приняли религию Ягве. Это не влияет на конечный результат. То, что произошло в Кадете, было компромиссом, в котором безошибочно угадывается роль, сыгранная племенем Моисея.

Здесь мы опять должны привлечь на помощь обычай обрезания, который уже сослужил нам немалую службу. В религии Ягве этот обычай превратился в закон, и поскольку он неразрывно связан с Египтом, узаконение его означает некую уступку людям Моисея. Они – или левиты среди них – не хотели отказаться от этого символа своей посвященности. Они хотели сохранить от своей религии хотя бы это и в обмен готовы были признать новое божество и все, что говорили о нем мидианитские жрецы. Возможно, они сумели выторговать и другие уступки. Я уже упоминал, что еврейский ритуал предписывает определенную сдержанность в употреблении имени Бога. Вместо Ягве нужно говорить Адонай. Очень соблазнительно привлечь и эту заповедь как свидетельство, но это будет всего лишь догадка. Запрет на произношение имени Бога, как известно, древнее табу. Почему оно было возобновлено в еврейских заповедях, не вполне ясно; не исключено, что это случилось под влиянием нового фактора – памяти об Атоне. Нет оснований думать, что эту заповедь выполняли очень уж строго: слово Ягве свободно употребляется при образовании множества богоподобных имен, вроде Иоханан, Иохи, Иошуа. Тем не менее есть нечто особенное в этом слове. Как известно, исследователи Библии различают два источника Шестикнижия – так называемых "Ягвиста" и "Элогиста", потому что первый употребляет священное имя Ягве, а второй – Элогим. Конечно, Элогим – это не Адонай, но мы позволим себе привести тут цитату из Хьюго Грессмана: "Различие имен – явное свидетельство первоначального различия богов".

Мы приняли, что узаконение обряда обрезания является свидетельством компромисса при основании новой религии в Кадеше. В чем состояла эта религия, говорят нам оба источника, "Я" и "Э"; их свидетельства совпадают, а значит – восходят к какому-то одному общему источнику, письменному или устному. Ведущей задачей в Кадеше было утвердить величие и силу нового бога Ягве. Поскольку люди Моисея приписывали такое огромное значение своему Исходу из Египта, заслуга освобождения их оттуда была тоже объявлена делом Ягве. Новый Бог был наделен чертами, которые запечатлевали грозное величие вулканического божества: столб дыма, который по ночам превращался в огненный столп; буря, которая разделила воды так, что преследователи погибли, когда водные стены сошлились опять. Сам Исход и основание новой религии были таким образом сближены во времени, а разделявший их длительный период времени выброшен. Дарование Десяти Заповедей тоже было отнесено не к Кадешу, а к подножию некой священной горы в Синае, окутанной дымом и огнем вулканического извержения.

Однако этот рассказ лишил славы человека Моисея: ведь, в конце концов, это он, а не вулканический божок, вывел народ из Египта. Моисею надлежала какая-то компенсация, и в награду он был перенесен в Кадеш (или Синай-Хорев) и заменил собой мидианитского пастуха. Мы еще увидим, что это решение удовлетворяло и другие, нестерпимо важные нужды. В результате было, так сказать, достигнуто равновесие. Ягве получил возможность распространить свое могущество с безвестной мидианитской вершины на дальний Египет, а деятельность Моисея была перенесена в Кадеш и земли к востоку от Иордана. Так он слился с образом человека, который намного позже него основал религию Ягве, с зятем мидианитского Йетро, дав этому человеку свое имя Моисей. Мы однако не знаем никаких личных особенностей этого второго Моисея, он полностью заслонен первым, египетским Моисеем и угадывается, разве что, по некоторым намекам, скрытым в противоречиях библейского текста, где этот текст описывает личность Моисея. С одной стороны, Моисей характеризуется как властный, вспыльчивый, зачастую даже яростный человек, а с другой – о нем же говорится, что он был самым терпеливым и "кротким" из людей. Ясно, что два последних качества не укладываются в образ египетского Моисея, задумавшего столь величественный и трудный план для своего народа. Возможно, они как раз и принадлежали второму, мидианитскому. Но с нас, я думаю, достаточно того, что мы отделили их друг от друга и допустили, что египетский Моисей никогда не был в Кадеше и не слышал имени Ягве, тогда как мидианитский Моисей никогда не бывал в Египте и ничего не знал об Атоне. Чтобы слить этих двух людей в одного, предание или легенда должны были привести египетского Моисея к мидианитам; и мы видели, что этому были даны разные объяснения.

VI

Я опять готов принять упреки, что развиваю свою реконструкцию древней истории израильских племен с неоправданной и чрезмерной уверенностью. Такие упреки не кажутся мне даже чересчур суровыми, потому что они находят отклик

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org в моей собственной душе. Я и сам знаю, что эта реконструкция имеет свои слабости, - но она имеет и сильные стороны тоже. В целом, однако, преобладают доводы за то, чтобы продолжать нашу работу в том же направлении. Доступные нам библейские свидетельства содержат ценные - да что там! бесценные - исторические сведения. Они, однако, искажены намеренными воздействиями и дополнены плодами поэтического воображения. Мы уже сумели выделить одно из таких искажающих воздействий. Дадим этому открытию руководить нами и далее. Оно побуждает нас к поиску других аналогичных воздействий. Если мы найдем способ распознавать следы этих воздействий, мы сумеем пролить еще больше света на истинный ход событий.

Начнем с того, что говорят нам критические библейские исследования о том, как было написано Шестикнижие (то есть пять книг Моисея и книга Иошуа Бин-Нуна), ибо только эти книги представляют для нас интерес. Древнейшим считается источник "я" ("Ягвист"), в авторе которого современные исследователи видят священника Эбиатара, современника царя Давида. Несколько позже (неизвестно, когда именно) появился так называемый Элогист - автор из северного Царства. После гибели этого царства в 722 году до н. э. некий еврейский священник объединил оба текста и внес в них собственные дополнения. Его компиляция обозначается яэ. В седьмом веке была добавлена пятая книга, Второзаконие, причем было объявлено, что она, вся целиком, только что была найдена в Храме. Полностью переписанный текст Шестикнижия, который называется "священническим" (или "жреческим"), относят ко временам разрушения Храма (586 год до н. э.), изгнания и возвращения на родину. В пятом веке до н. э. текст подвергся окончательной ревизии и после этого он уже никогда существенно не менялся*.

* Исторически достоверно, что еврейский тип окончательно сложился в результате реформ Эзры и Нехемии в пятом веке до н. э., то есть после изгнания, во времена благосклонного персидского владычества. По нашим представлениям, это было спустя девять столетий после Моисея. В этих реформах задача освящения народа воспринималась очень серьезно: отделение евреев от других народов было достигнуто с помощью сурового запрета на смешанные браки; Пятикнижие, этот подлинный свод законов, было канонизировано в его окончательном виде; его исправление ("священнический кодекс") было завершено. Представляется несомненным, однако, что реформы не ввели ничего нового, а лишь продолжили и упрочили прежние тенденции.

История царя Давида и его дней была, видимо, записана одним из его современников. Это первая настоящая историческая хроника, созданная за пять столетий до Геродота, этого "отца истории". Можно по достоинству оценить это достижение, если предположить, как в моей гипотезе, влияние египтян. Некоторые исследователи допускают даже, что первые израильтяне, писцы Моисея, были и изобретателями алфавита. (Если им действительно запрещалось делать изображения, у них была причина отказаться от иероглифического письма и найти письменные знаки для звуков нового языка.) Разумеется, мы не знаем, в какой мере хроники древних времен базировались на более ранних источниках или устных преданиях и какое время протекло между самими событиями и записью рассказа о них. Однако сам текст, каким мы его видим сегодня, достаточно говорит нам о своей истории. В нем запечатлены следы противоборства двух различных, диаметрально противоположных сил. С одной стороны, в него были внесены определенные искажения, фальсифицирующие рассказ в угоду скрытым тенденциям, сокращающие и расширяющие его до тех пор, пока он не превращается в свою противоположность. С другой стороны, в нем торжествовала набожная терпимость, которая диктовала сохранить все, как есть, и была равнодушна к тому, согласуются детали друг с другом или друг друга отрицают. Поэтому в Шестикнижии почти на каждом шагу можно встретить разительные пробелы, настораживающие повторы, очевидные противоречия, следы подробностей, о которых вовсе не хотели бы рассказывать. Искажение текста не так уж отличается от убийства. Вся трудность - не в том, как это сделать, а в том, как скрыть следы. Даже само слово "искажение" может толковаться двояко, и такая трактовка вполне законна, хотя ныне уже не употребительна: искажение может означать не только "изменение внешнего вида", но и "изменение сути" - путем всевозможных перестановок и перекручиваний. Вот почему во многих случаях таких искажений можно рассчитывать найти скрытый или изъятый материал в каком-нибудь другом месте того же текста, хотя и в переработанном виде, да еще и оторванный от исходных связей. Но не всегда легко его распознать.

Те искажающие воздействия, которые мы хотим обнаружить, наверняка повлияли на предания еще до того, как те были записаны. Одно из этих воздействий,

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

вероятно – самое сильное, мы уже обнаружили. Я уже говорил, что когда в Кадеше был учрежден культ бога Ягве, пришлось придумать что-то для его прославления. Точнее было бы сказать, что он был не столько "учрежден", сколько "утвержден", для него было расчищено место; а для этого нужно было уничтожить все остатки прежней религии. С религией давних жителей Палестины справились успешно: от нее действительно не осталось и следа. С вышедшими из Египта племенами было труднее: они решительно не хотели отказываться от воспоминаний об Исходе, от своего человека Моисея и от обряда обрезания. Полбеды, что они были в Египте – теперь они его снова покинули, и отныне все следы египетского влияния действительно могли быть уничтожены. Их Моисей был развенчан с помощью переброски его к мидианитам в Кадеш и превращения в пастуха, который основал религию Ягве. Обрезание, этот самый компрометирующий; признак египетского влияния, пришлось сохранить, но вопреки самым очевидным фактам – его постарались всеми силами отделить, насколько возможно, от египетской почвы. Загадочный абзац в книге Исхода, где говорится, что Бог разгневался на Моисея, не сделавшего себе обрезания, и тогда жена-мидианитка спасла ему жизнь торопливой операцией, можно истолковать только как намеренное отрицание очень важного факта. Вскоре мы увидим еще один прием, с помощью которого ухитрились опорочить другое нежелательное свидетельство.

Конечно, мы не сочтем чем-то новым, скорее – продолжением той же тенденции, когда увидим попытку отрицать, что Ягве был для евреев совершенно новым, чужим богом. С этой целью были привлечены мифы о праотцах Аврааме, Исааке и Иакове. Ягве утверждает, что он-то и был богом этих праотцев; но совершенно бесспорно, – он и сам это признает, – что они не поклонялись ему под этим именем. (Запрет произносить новое имя Бога нисколько не становится от этого более понятным, скорее уж – более подозрительным.)

Ягве не разъясняет, под каким же именем ему поклонялись прежде. И вот эта нарочитая путаница создала благодарную возможность нанести смертельный удар по сторонникам египетского происхождения обряда обрезания. Было заявлено, что Ягве уже раньше потребовал от Авраама принять этот обряд – как знак завета, заключенного между Богом и потомством Авраама. Это было особенно неуклюжее изобретение. Когда выбирают знак, отличающий кого-то от других, берут обычно то, чего у других нет, – уж наверняка не то, чем могут похвастаться миллионы. Израильянин, оказавшийся в Египте, обнаружил бы, что все египтяне – его братья по Ягве, связанные тем же заветом. Тем, кто создавал текст Библии, вряд ли был неизвестен тот факт, что обрезание давний египетский обычай. Отрывок из Иошуа, приведенный Мейером, открыто это признает, – и тем не менее этот факт старались любой ценой отрицать.

Трудно ожидать от религиозного мифа тщательного внимания к логическим связкам. В противном случае чувства народа могли бы по справедливости быть оскорблены поведением божества, которое сначала заключает союз с праотцами племени, включающий взаимные обязательства, а затем забывает своих партнеров-людей на целые века, пока ему вдруг не приходит в голову снова открыться их потомкам. Еще более удивительна концепция бога, внезапно "избирающего" себе некое племя и превращающего его в "свой народ", а себя в его бога. Я уверен, что это единственный такой случай в истории человеческих религий. Во всех других случаях бог и народ связаны безраздельно; они с самого начала заедино. Верно, порой случается, что народ избирает нового бога, но никогда не бывает так, что бог избирает себе народ. Возможно, мы лучше поймем это уникальное происшествие, если задумаемся над отношением Моисея к евреям. Моисей спустился к еврейскому народу, это он сделал их своим племенем, это они были его "избранным народом"**.

* Ягве был, несомненно, вулканическим божеством. Жители Египта не имели никаких причин поклоняться ему. Я наверняка не первый, кому бросилось в глаза сходство имени Yahve с корнями другого божественного имени – Yupiter, Jovis. Составное имя Иоханан, включающее в себя ивритское слово Ягве и сходное по значению с английским Годфри и его пуническим эквивалентом Ганибал, стало одним из самых распространенных имен в христианской Европе в виде Иоганн, Джон, Жан, Хуан. Итальянцы, превратив его в Джованни и назвав один из дней недели Джоведи, снова извлекли на свет божий сходство, которое, вероятно, означает многое – а быть может, и ничего. Здесь открываются далеко идущие, хотя и весьма небезопасные возможности. В те отдаленные и темные века, которые историческая наука начинает изучать, страны восточного Средиземноморья были, по-видимому, ареной частых и яростных вулканических извержений, которые не могли не произвести глубокое

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
воздействие на их жителей. Эванс предполагает, что разрушение дворца Миноса на Крите тоже было следствием такого извержения. На Крите, как и во всем Эгейском мире, почиталась тогда великая Богиня-Мать. Ее неспособность защитить своих поклонников от ударов еще более могучей силы могла стать причиной ее замены мужским божеством, и тогда вулканический бог был первым кандидатом на освободившийся престол. Зевс до сих пор именуется "сокрушителем Земли". Вряд ли можно сомневаться, что в те отдаленные времена женские божества повсеместно заменялись мужскими (споначалу, как правило, их сыновьями). Особенно показательна судьба Афины-Паллады, которая несомненно была местной разновидностью материнского божества. Революция в религиозном сознании низвела ее до роли дочери, лишила матери и навечно запретила ей самой материество, наложив на нее табу девственности.

В более поздних добавлениях к библейскому тексту успешно проведена тенденция устраниТЬ всякое упоминание о Кадеше. Местом, где была основана новая религия, окончательно становится божественная вершина Синай-Хорев. Мотивы, которыми руководствовались при этом, не вполне ясны; возможно, хотели преуменьшить роль мидианитов. Но все эти более поздние добавления, особенно в "священническом кодексе", служат и другой цели. Теперь уже не было причин целенаправленно менять описание отдаленных событий – такие изменения уже были сделаны давным-давно. Зато была предпринята попытка отнести к более ранним временам законы и учреждения нынешнего периода, объявить их частью моисеева закона и на этом основании приписать им божественную и обязательную силу. Как бы ни была при этом фальсифицирована картина прошлого, сама такая попытка не лишена психологического оправдания. Она была следствием того, что за восемь веков, прошедших от Исхода до канонизации библейского текста Эзрой и Нехемией, религия Ягве претерпела ретроградное развитие, которое завершилось ее слиянием (возможно – даже прямым отождествлением с исходной религией Моисея. И вот важнейший итог такого развития: судьбоносное содержание еврейской религиозной истории.

VII

Среди всех прочих событий еврейской предыстории, воспетых поэтами, жрецами и хроникерами, было одно выдающееся событие, которое евреи нестерпимо хотели бы забыть – по самым понятным и благородным человеческим причинам. Этим событием было убийство их вождя и освободителя Моисея, о котором Селлин догадался из намеков, там и сям разбросанных у пророков. Догадку Селлина нельзя считать фантастической; она достаточно правдоподобна. Моисей, прошедший школу Эхнатона, действовал теми же методами, что фараон: он отдавал приказы и навязывал народу свою религию. (В те времена иных способов влияния и не было.) Возможно, учение Моисея было еще более бескомпромиссным, чем религия его учителя; ведь у него не было нужды сохранять связь новой религии с культом Солнца, поскольку идеи школы Он были пустым звуком для его пришлого народа. Моисея ожидала та же судьба, что Эхнатона – судьба, которая ожидает всех просвещенных деспотов. Еврейский народ Моисея был совершенно неспособен принять столь одухотворенную религию и найти в ней ответ на свои нужды – как, впрочем, и египтяне времен Восемнадцатой династии. В обоих случаях конец был одинаков: те, кто чувствовали себя насильно опекаемыми и лишенными прав, восстали и сбросили с себя игу навязанной им религии. Но если покорные египтяне ждали, пока судьба освободит их от священной персоны их властелина, жестоковыные евреи взяли судьбу в собственные руки и сами справились с тираном.

И нельзя сказать, что библейский текст, в дошедшем до наших дней виде, не подготавливает нас к такому обороту событий. Рассказ о "странствиях в пустыне" – которые могут обозначать период правления Моисея – упоминает о череде яростных восстаний против вождя, подавленных, по приказу Бога, с дикой жестокостью. Нетрудно вообразить, что одно из этих восстаний закончилось иначе, чем это утверждает текст.

Упоминаются также, хотя и мельком, случаи отхода людей от новой религии – в эпизоде с золотым тельцом, который, благодаря хитроумному повороту рассказа (разбитые Моисеем скрижали, что символически означает: он сам "разбил", нарушил закон), приписывается самому Моисею, вызывая этим его необузданый гнев.

Затем наступают времена, когда народ начинает сожалеть об убийстве Моисея и пытается забыть об этом преступлении. Видимо это произошло к моменту прихода в Кадеш.

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

Искусственно сблизив Исход и принятие новой религии во времени и объявив Моисея, а не другого основателя, ее провозвестником, в Кадеше сумели не только удовлетворить претензии людей Моисея, но и с неменьшим успехом изгладить из анналов неприятный факт его насильтственного устраниния. В действительности совершенно невероятно, чтобы Моисей участвовал в церемонии в Кадеше, даже если его жизнь и не была насильтствено укорочена.

Здесь следует попытаться восстановить последовательность событий. Я отнес Исход из Египта ко временам гибели Восемнадцатой династии (1350 год до н. э.). Он мог произойти и несколько позже, потому что египетские хроники включают последующий период анархии в правление Харемхаба - фараона, который восстановил порядок и царствовал до 1315 года до н. э. Следующий - единственный - опорный пункт нашей хронологии дает стелла Мернепты (1225-1215 до н. э.), на которой прославляется победа над Израилем (изирааль) и истребление его семени (!).

К сожалению, ценность этой надписи сомнительна: она доказывает лишь, что израильские племена к тому времени уже осели в Ханаане. Ссылаясь на эту надпись, Мейер справедливо заключает, что Мернепта не мог быть фараоном времен Исхода, как это предполагалось ранее. Исход должен был произойти в более ранний период. Вопрос о том, кто был тогда фараоном, кажется мне несущественным. Тогда попросту не было никакого фараона, потому что Исход совпал с периодом междуцарствия. Однако стелла Мернепты не помогает нам установить дату братания племен и принятия новой религии в Кадеше. Мы можем сказать только, что это наверняка произошло между 1350 и 1215 годами. Взяв этот промежуток, предположим, что Исход имел место ближе к его началу, а события в Кадеше - ближе к концу. Основную же часть промежутка мы отведем тому, что случилось между этими двумя событиями. Потребовалось, разумеется, значительное время, чтобы страсти, вспыхнувшие после убийства Моисея, охладились и влияние людей Моисея, левитов, возросло до той степени, на которую указывает компромисс в Кадеше.

Это могло занять, как минимум, два поколения, шестьдесят лет. Тогда дата, указанная на стелле Мернепты, становится слишком близкой, а так как мы знаем, что в нашей гипотезе одно предположение базируется на другом, мы вынуждены признать, что тут в конструкции обнаруживается слабое место. К сожалению, все, что связано с заселением евреями Ханаана, очень запутано и неясно. Конечно, мы могли бы облегчить себе дело, допустив, что слово "Израиль" на стелле не относится к тем племенам, за судьбой которых мы следим и которые позже объединились под названием Израиля. В конце концов, на них ведь перешло и название "Хабиру" ("ивриим"), упомянутое в период Амарны.

Впрочем, когда бы ни произошло упомянутое объединение племен в народ путем принятия общей религии, вполне допустимо, что это событие все равно прошло бы незамеченным в мировой истории. Новая религия могла быть сметена историческим потоком, Ягве занял бы свое место в той длинной процесии умерших богов, которую так живо изобразил Флобер, а все двенадцать колен его народа могли "затеряться" - не только те десять, следы которых так настойчиво ищут англосаксы. Бог Ягве, с которым мидянитский Моисей связал новый народ, вряд ли был особенно примечательным божеством. Грубый, примитивный провинциальный божок, кровожадный и яростный, он обещал своим поклонникам "землю, текущую молоком и медом", и повелел изгнать ее обитателей "силой меча". Поистине поразительно, что, несмотря на все исправления библейского текста, в нем осталось так много примет первоначальной натуры Ягве. Нет уверенности даже, что его культ был подлинным монотеизмом и потому отрицал божественность других богов. Вполне достаточно было, что Ягве сильнее всех остальных. И если последующие события пошли совсем иным путем, тому может быть только одно объяснение: некоторая часть народа получила от египетского Моисея совершенно иную и более одухотворенную концепцию Бога - единственного Бога, которому подчинен весь мир, столь же вселюбящего, сколь и всесильного. Бога, который не терпит магию и ритуал и провозглашает высшей задачей человечества жить по справедливости и не по лжи. Ибо как бы скучны ни были наши сведения об этической стороне религии Атона, бесспорно существен тот факт, что Эхнатон неизменно характеризовал себя в надписях как "идущего путем Маат" (справедливости, правды). В дальнем плане не так уж важно, что евреи очень скоро отошли от учения Моисея и разделались с ним самим. Традиция осталась, и постепенно, в ходе веков, привела к тому, чего не дано было достичь самому Моисею. Бог Ягве, которому, со времен Кадеша, приписывалась моисеева заслуга освобождения народа, присвоил себе незаслуженную славу; но этот

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org узурпатор дорого поплатился. Тень бога, место которого он захватил, оказалась сильнее живого Ягве, и в итоге исторического развития забытый было моисеев Бог окончательно вытеснил божество вулкана. Нет сомнений, что только вера в этого другого Бога позволила народу Израиля вынести все испытания и сохраниться до наших времен.

Теперь уже невозможно определить, какую роль сыграли левиты в окончательной победе моисеева Бога над Ягве. Когда заключался компромисс в Кадеше, они возвысили свой голос за Моисея, воспоминания о котором еще были свежи в их памяти. В последующие века левиты слились с народом или со жрецами и их главной обязанностью стало соблюдать и осуществлять ритуал, хранить священные тексты и переписывать их в соответствии с надобностью. Но разве жертвоприношения и церемонии не были по сути своей той самой черной магией, которую безоговорочно отвергало прежнее учение Моисея? И вот из толщи народа возникла нескончаемая череда людей, не всегда прямых потомков первых левитов, - людей, увлеченных исподволь растущей, великой и мощной традицией, и именно эти люди, пророки, стали усердно проповедовать древнее моисеево учение: Бог отвергает все ритуалы и жертвоприношения, он требует только веры и жизни по справедливости и не по лжи (Маат). Усилия пророков увенчались непрекращающим успехом: проповедь, в которой они воскресили древнее учение, навечно стала содержанием еврейской религии. Таким образом, заслуга еврейского народа, сумевшего сохранить от гибели такую традицию и породить пророков, давших ей выражение, сама по себе достаточно велика, даже если первый толчок был дан извне, великим пришельцем.

Вся эта трактовка событий могла бы породить разочарование, когда бы не благодарная возможность сослаться на мнение других, более авторитетных исследователей, которые трактуют роль Моисея в истории еврейской религии точно в том же плане, что и я, хотя и не признают его египетского происхождения. Селлин, например, говорит: "Таким образом мы видим, что подлинная религия Моисея, его вера в единого этического Бога, отныне становится достоянием небольшого круга людей среди его народа. Нелепо сразу же искать ее следы в официальном культе, в религии жрецов, в общенародных верованиях. Все, чего можно ожидать, - это рассеянных там и сям искр зажженного им духовного пламени; его идеи не погибли, в исподволь продолжали влиять на убеждения и обычаи, пока наконец, раньше или позже, в результате подходящих событий или под воздействием какой-то личности, глубоко уверовавшей в них, они не вышли наружу с еще большей силой и не восторжествовали в умах широких народных масс. Раннюю религиозную историю давних израильтян следует рассматривать именно под таким углом зрения. Восстанавливать Моисееву религию по тем данным, которые имеются в исторических описаниях религии первых пяти ханаанских веков было бы величайшей методологической ошибкой". Пауль Вольц высказывает еще более категорично: "дерзновенный труд Моисея поначалу вряд ли был вообще понят, и его учение с трудом пробивало себе дорогу, с течением столетий все глубже и глубже проникая в души, пока, наконец, не воспламенило великих пророков, которые продолжили дело одинокого основателя".

И поскольку моей единственной целью было найти место египетского Моисея в схеме еврейской истории, я могу на этом закончить. Теперь можно свести все наши выводы в одну кратчайшую формулу: хорошо известная дуальность этой истории - слияние двух народов в один; два царства, на которые он потом разделяется; два имени Божества в библейских источниках, одно из которых сначала вытесняется другим, а затем победоносно возвращается; два основателя религии с одним и тем же именем Моисей, которых нужно отличать друг от друга, - все это является неизбежным следствием самой первой дуальности: одна часть народа прошла через событие, которое верно было бы назвать травматическим испытанием, тогда как другая была от него избавлена. Конечно, многое еще нужно обсудить, объяснить и доказать. Только тогда мы могли бы надежно гарантировать интерес к этому чисто историческому исследованию. Было бы чрезвычайно соблазнительно воспользоваться частным случаем еврейской истории, чтобы попытаться понять, в чем по существу состоит скрытая природа традиции и что обуславливает ее странную власть над умами, насколько нелепо отрицать личное влияние отдельных великих людей на ход исторических событий, каким упрощением грандиозного многообразия человеческой жизни было бы сводить все движущие мотивы людей исключительно к материальным потребностям, откуда берется сила, с которой определенные идеи, в особенности религиозные, подчиняют себе отдельных людей и целые народы. Такое продолжение нашего очерка можно было бы связать с положениями, выдвинутыми четверть века назад в моей книге "Totem и табу". Но я вряд ли могу и дальше рассчитывать на свои силы.

ЧАСТЬ 3. МОИСЕЙ, ЕГО НАРОД И МОНОТЕИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Первое предисловие

(написанное не позднее марта 1938 года в Вене)

С дерзостью человека, которому почти или совсем нечего терять, я намереваюсь вторично нарушить вполне обоснованное решение и продолжить два первых эссе о Моисее этим заключением, от публикации которого до сих пор воздерживался. В конце своего последнего эссе я писал, что, вряд ли могу и дальше рассчитывать на свои силы. Я имел в виду, разумеется, спад творческих способностей, сопровождающий старость, - но было и другое препятствие. Мы живем в примечательные времена. Мы с удивлением видим, что прогресс вступил в союз с варварством. В Советской России была сделана попытка удушить жизнь миллионов людей, доселе живших под гнетом. Власти оказались достаточно реши тельными, чтобы лишить их религиозного транквилизатора, и достаточно умны, чтобы дать им разумную меру сексуальной свободы. Но при этом они подвергли своих граждан самому жесточайшему насилию и отняли у них всякую возможность свободы мысли. Итальянцев сегодня приучают к порядку и чувству долга с той же варварской жестокостью. Поистине тяжесть сваливается с сердца, когда хоть на примере немецкого народа видишь, что этот возврат к доисторическому варварству может происходить и вне связи с идеей прогресса. Как бы то ни было, события развиваются так, что сегодня консервативные демократии, да, пожалуй - как ни странно - католическая церковь остались единственными защитниками культурного прогресса. Та самая католическая церковь, которая до сих пор была неумолимым врагом всякой свободы мысли и решительно отказывалась признать, что нашим миром правит стремление к поиску истины!

Мы живем в католической стране, живем под защитой этой церкви, не зная, насколько хватит этой защиты. Но пока ее хватает, я, естественно, не решаюсь сделать что-либо такое, что возбудит враждебность этой церкви. Не из трусости, а из осторожности; новый враг (национал-социализм. - Прим. переводчика), которому я не хотел бы способствовать чем бы то ни было, куда опаснее старого, с которым мы уже научились жить в мире. Более того, психоаналитические исследования давно возбуждают подозрительность католицизма. Не буду утверждать, что эта подозрительность необоснованна. Коль скоро наши исследования ведут к признанию религии неврозом человечества и к объяснению ее грандиозной власти над людьми тем же механизмом, что власть навязчивого невроза над больными, не приходится сомневаться, что это вызывает сильнейшее недовольство властей предержащих в нашей стране. Дело не в том, будто я намерен сказать нечто новое, чего еще не высказал за последнюю четверть века. Но сказанное, увы, забыто, и потому я считаю полезным повторить это снова и проиллюстрировать на типичном примере возникновения одной конкретной религии. Не исключено, что это повлечет за собой запрет на психоанализ. Такие резкие меры подавления ни в коей мере не чужды католической церкви; она даже расценивает как покушение на свои прерогативы, когда другие прибегают к таким же мерам. Увы, психоанализ, повсеместно распространявшийся за время моей долгой жизни, все еще не нашел более подходящего приюта, чем в городе, где он возник и сложился.

Я не только думаю, я знаю, что эта внешняя опасность помешает мне опубликовать заключительную часть моей трактовки Моисея. Я пытался преодолеть это препятствие, сказав себе, что мои опасения проис текают из переоценки значимости моей персоны и что властям, скорее всего, нет дела до моего мнения о Моисее и происхождении монотеистической религии. Но я не уверен, что правильно оцениваю ситуацию. Боюсь, что злорадство и жажда сенсации могут с избытком компенсировать ту значимость, которой мне недостает в глазах мира. Поэтому я не опубликую этот очерк. Но это не помешает мне написать его. Тем более, что он уже был однажды написан, два года назад, и теперь нуждается только в переделке и объединении с двумя предыдущими эссе. Так что пусть он лежит в укрытии до тех пор, пока не сможет безопасно появиться на свет Божий или пока кто-нибудь другой, придя к тем же выводам, не скажет: "В те мрачные времена жил человек, который замышлял то, что я сделал".

Второе предисловие

(июнь 1938, Лондон)

Необычайные трудности, стоявшие передо мной во время работы над очерком о Моисее – как внутренние опасения, так и внешние препятствия, – привели к тому, что его третья и последняя часть имеет два предисловия, которые противоречат, в сущности – даже исключают друг друга. Ибо за короткий период между написанием этих двух предисловий внешние обстоятельства жизни автора кардинально изменились. Прежде я жил под защитой католической церкви и боялся, что, опубликовав этот очерк, лишусь ее покровительства, а практики и теоретики психоанализа в Австрии не смогут продолжать свою работу. Затем, внезапно, грянуло немецкое нашествие, и католицизм оказался, как говорит Библия, "сломанной тростинкой". Не сомневаясь, что на меня обрушатся преследования – теперь уже не только из-за моих трудов, но и из-за моей "расы" – я со многими друзьями покинул город, который с раннего детства, семьдесят восемь лет подряд, был моим домом.

Я нашел самый теплый прием в прекрасной, свободной, благородной Англии. Здесь я живу сейчас, – дружелюбно принятый гость, чудом спасшийся от преследований, – и счастлив, что могу опять говорить и писать, – я чуть не сказал "думать" – так, как я хочу или должен. И теперь я решаюсь представить читателям последнюю часть моего очерка.

Надо мной не тяготеют ныне никакие внешние препятствия – во всяком случае, такие, которые могли бы меня встремовать. В последние недели я получил много приветствий от друзей, которые пишут, как они рады, что я здесь, а также от незнакомых мне людей, которых вовсе не интересуют мои исследования и которые попросту выражают удовлетворение, что я обрел здесь свободу и безопасность. А вдобавок приходит поразительное для иностранца количество писем другого рода, выражающих заботу о состоянии моей души и желание указать мне путь к Христу и просветить в отношении будущего, которое ожидает Израиль. Все эти добрые люди вряд ли знают меня достаточно близко. Бьюсь, что после опубликования моей новой работы я утрачу среди этих корреспондентов и многих других значительную часть той симпатии, которую они дарят мне сейчас.

Внутренние трудности не зависят от политических режимов и нового местожительства. Как и прежде, я испытываю неловкость, глядя на свою работу: мне недостает ощущения целостности и интимности, которые должны существовать между автором и его творением. Не то, чтобы я не был уверен в истинности моих результатов. Эту уверенность я обрел уже четверть века назад, когда написал 'Тотем и табу' (1912), и с тех пор она только укрепилась. С того времени я никогда не сомневался, что религиозные явления можно понять лишь на основе модели невротических симптомов – как возвращение давно забытых и важных событий в ранней истории человеческой семьи; что своим навязчивым характером эти явления обязаны именно такому происхождению, а свое поразительное влияние на человечество черпают из той исторической правды, которую в действительности содержат. Моя неуверенность начинается лишь в тот момент, когда я задаю себе вопрос, сумел ли я доказать это на избранном здесь примере еврейского монотеизма. Внутреннему моему критическому взору это исследование, начинающееся с анализа человека Моисея, представляется чем-то вроде танцора, стоящего на одном пальце. Если бы я не нашел поддержки в мифе о происхождении героя, а затем в догадке Селлина о гибели Моисея, весь этот очерк вероятно остался бы ненаписанным. Но позвольте мне приступить к делу.

Я начну с того, что подытожу результаты моего второго, чисто исторического эссе о Моисее. Я не стану заниматься анализом этих результатов, поскольку они послужат лишь вступлением к психологическому обсуждению, которое на них основывается и постоянно к ним возвращается.

РАЗДЕЛ I

1. Исторические предпосылки

Исторический фон заинтересовавших нас событий таков. В ходе завоеваний Восемнадцатой династии Египет стал мировой державой. Новый империализм нашел выражение в развитии определенных религиозных идей – если не всего народа, то, во всяком случае, правящего, интеллектуально активного слоя. Под влиянием жрецов солнечного бога из Она (Гелиополис), возможно усиленным азиатскими воздействиями, возникла идея универсального божества, Атона, уже не ограниченного одной страной и одним народом. В лице молодого Аменхотепа IV (позднее сменившего имя на Эхнатон) на трон пришел фараон, высшей целью

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org которого была пропаганда идеи такого божества. Он превратил религию Атона в официальную, и тем самым универсальный бог стал единственным Богом; все разговоры о других богах были объявлены ересью и ложью. Фараон непримиримо отвергал все соблазны магической мысли и отказался от особенно дорогой сердцу египтян иллюзии загробной жизни. Поразительно предвосхитив грядущее научное знание, он распознал в энергии солнечного излучения источник всякой жизни на Земле и стал поклоняться Солнцу как символу Божественной силы. Он упивался радостью Сотворения и своей жизни в Маат (справедливости, правды).

Это был первый, и, возможно, самый чистый в истории человечества пример монотеистической религии. Более глубокое понимание исторических и психологических причин ее возникновения имело бы огромную ценность. Но кое-кто позабылся, чтобы до нас дошло как можно меньше сведений о религии Атона. Уже при жизни бессильных преемников Эхнатона все, что он создал, начало рушиться. Униженные им жрецы Амона злобно отыгрались на его памяти. Религия Атона была запрещена; столица еретического фараона - разрушена и разграблена. В 1350 году до н. э. Восемнадцатая династия прекратилась; после некоторого периода анархии военачальник Харемхаб восстановил порядок. Реформы Эхнатона оказались эпизодом, осужденным на забвение.

Все вышесказанное установлено исторически, и с этого места начинается наше гипотетическое построение. Среди приближенных Эхнатона был человек, которого, вероятно, звали Тотмес, как и многих других в те времена (так звали, например, скульптора, чьи работы обнаружены в Тель-аль-Амарне); само имя не имеет значения, важно лишь, что его вторая часть была "мозе". Он занимал высокий пост и был ревностным приверженцем религии Атона, но в отличие от мечтательного фараона был человеком действия и кипучих страстей. Смерть Эхнатона и запрещение новой религии означали для него конец всех надежд. Остаться в Египте он мог, только покаявшись или скрываясь от преследований. Если он был правителем пограничной провинции, то вполне мог войти в контакт с некоторыми семитскими племенами, пришедшими туда несколько поколений назад. Разочарованный и одинокий, он мог обратиться к этим племенам в поисках компенсации утраченного. Он сделал их своим народом, чтобы попытаться осуществить свой идеал. Покинув с ними - и своими ближайшими последователями - Египет, он навязал им обряд обрезания, дал законы и ввел религию Атона, которую отбросили египтяне. Возможно, правление, которое этот человек Моисея навязал евреям, было даже суровее, чем власть его покровителя и учителя Эхнатона; возможно, он порвал и связи с солнечным божеством из Она, которые Эхнатон все еще сохранял.

Исход из Египта мы должны отнести к 1350 году до н. э. Все последующее, вплоть до завоевания Ханаана, чрезвычайно неясно. Из того пробела, который зияет здесь - а точнее, создан - в библейском тексте, современная историческая наука выудила два факта. Первый, открытый Эрнстом Селлином, состоит в том, что евреи, которых даже Библия характеризует как жестоковых и непокорных, в конце концов, взбунтовались, убили своего законодателя и вождя и отказались от навязанной им религии Атона, как это прежде сделали египтяне. Второй факт, установленный Эдуардом Мейером, состоит в том, что по возвращении из Египта эти евреи объединились с родственными им племенами, которые жили в стране, граничившей с Палестиной, Синайским полуостровом и Аравией, и там, в плодородном оазисе Кадеш, под влиянием аравийских мидианитов, приняли новую религию вулканического бога Ягве. Вскоре затем они уже были готовы к вторжению в Ханаан.

Связь этих двух событий друг с другом и Исходом весьма запутана. Ближайшую историческую датировку дает стелла фараона Мернепты, царствовавшего около 1215 года до н. э., где в числе покоренных им народов Сирии и Палестины упоминается "Израиль". Если принять эту дату за конечную точку, на весь период от Исхода остается около ста лет - с 1350 до 1215 годов до н. э. Возможно, однако, что название "Израиль" не связано с теми племенами, за судьбой которых мы следим, и тогда мы в действительности располагаем более продолжительным отрезком времени. Заселение еврейским народом Ханаана наверняка не было быстрой единоразовой победой; то была, скорее, череда успешных кампаний, которая должна была продолжаться достаточно долгий период. Если отказаться от ограничений, налагаемых стеллой Мернепты, можно с достаточной правдоподобностью принять тридцать лет, или одно поколение, для периода Моисея (это будет грубо отвечать сорока годам странствий в пустыне, о которых рассказывает Библия) и, по меньшей мере, два поколения, а то и больше - до объединения в Кадете (иными словами: 1350-1340 до 1320-1310 для времени Моисея; 1260 или позднее - для событий в Кадеше и

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
1215 – для стеллы Мернпты); промежуток между Кадешем и выходом в Ханаан не должен быть так уж долог. Как я показал в предыдущем эссе, еврейская традиция имела свои причины сократить промежуток между Исходом и принятием новой религии в Кадеше; наши выводы склоняют нас, наоборот, к противоположному.

До сих пор мы обсуждали внешнюю сторону событий, пытаясь заполнить пробелы в наших исторических сведениях – это было воспроизведением моего второго эссе. Мы следовали за судьбой Моисея и его учения, которое лишь по видимости было похоронено восстанием евреев. Из рассказа Ягвиста, записанного около 1000 года до н. э., но, несомненно, опирающегося на более ранние источники, известно, что объединение племен и принятие новой религии в Кадеше было компромиссом, две стороны которого легко различимы и сейчас. Один партнер был заинтересован лишь в том, чтобы скрыть новизну и чуждость бога Ягве и обосновать его претензии на поклонение народа. Другой партнер не желал отказаться от дорогих ему воспоминаний об Исходе из Египта и величественной фигуры своего вождя Моисея; и он сумел выторговать место для того и другого в новом каноне еврейской истории, сохранив, как минимум, внешний признак моисеевой религии – обряд обрезания – и добившись определенных запретов на употребление имени нового божества. Я уже говорил, что люди, которые этого добивались, были, по всей вероятности, потомками последователей Моисея (левитов) во втором-третьем поколении, еще хранившими память о его живой традиции. Поэтические описания соответствующих событий, которые приписываются Ягвисту и его более позднему сопернику, Элогисту, всего лишь своеобразные могильные плиты, под которыми навечно похоронена правда об этих событиях, о сути моисеевой религии и насильственном устраниении ее основателя, – та правда, которую хотели скрыть от последующих поколений. И если мы правильно ее восстановили, в ней не остается ничего загадочного; напротив, это вполне могло быть окончательным завершением моисеева эпизода в истории еврейского народа.

Замечательно, однако, что так не произошло; важнейшие последствия этих событий проявились намного позже и с течением веков постепенно проложили себе дорогу к самовыявлению. Непохоже, чтобы бог Ягве так уж отличался от богов соседних народов и племен; верно, он враждовал с другими богами, как враждовали друг с другом сами племена, но можно без опаски предположить, что тогдашний поклонник Ягве и не подумал бы усомниться в существовании богов Ханаана, Моава, Амалека, как не сомневался он в существовании поклонявшихся им племен. Монотеистическая идея, вспыхнувшая во времена Эхнатона, была снова забыта и осуждена долго таиться во мраке. Раскопки на острове Элефантина, вблизи первого нильского порога, дали поразительное свидетельство, что существовавшая там столетиями еврейская военизированная колония поклонялась в своих храмах не только главному богу Йаху, но еще и двум женским божествам, одно из которых называлось Анат-Йаху. Впрочем, эти евреи были отрезаны от своей страны и не прошли с ней ее религиозное развитие; они узнавали о новых церемониальных правилах, принятых в Иерусалиме, через персидское правительство (пятый век до н. э.). Возвращаясь к более ранним временам, мы можем с уверенностью утверждать, что Ягве совершенно не походил на моисеева Бога. Атон был Богом мира – как и его представитель, а точнее – земное воплощение, фараон Эхнатон, который, сложа руки, взирал, как распадается созданная его предками империя. Племенам, которые намеревались покорить новые земли, несомненно, больше подходил яростный Ягве. И вообще, все, что заслуживало преклонения в моисеевом Боге, превосходило умственные способности этих примитивных людей.

Я уже упоминал, и в этом меня поддерживают мнения других исследователей, что главной особенностью еврейской религии была постепенная утрата богом Ягве его первоначального характера и все большее уподобление старому богу Моисея, Атону. Конечно, различия оставались, и на первый взгляд они могут показаться существенными; но они легко объяснимы. Атон утвердился в Египте в блаженные времена безопасности, и даже когда основы империи зашатались, люди все еще могли отрешаться от земных забот, продолжая славить Бога и наслаждаться Божественным творением. Еврейскому народу судьба уготовила суровые испытания и тяжкие удары, поэтому его Бог стал суровым, безжалостным и, так сказать, угрюмым. Он сохранил характер универсального Бога, правящего землями и народами, но Его переход от Египта к евреям нашел отражение в дополнительной доктрине, что евреи – Его избранный народ, который в конце времен получит особое вознаграждение за свои особые обязательства. думается, евреям было нелегко согласовать веру в свою избранность всемогущим Богом и выпавшие на их долю ужасные испытания. Но

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

они не позволили сомнениям возобладать, они заглушили недоверие усиленным чувством вины и под конец, возможно, уверовали в "непостижимость воли Господней", как верят и по сей день все религиозные люди. Если они и недоумевали, почему Он дозволяет все новым тиранам - ассирийцам, вавилонянам, персам - покорять и угнетать Его народ, то затем находили подтверждение Его могущества в том, что все эти коварные деспоты были побеждаемы следующими, а их империи постигала одна и та же участь. Этот более поздний еврейский Бог уподобился Моисею в трех важнейших пунктах. Первым и главным было то, что Он действительно считался единственным и не давал даже помыслить о существовании других богов. Монотеизм Эхнатона был всерьез воспринят всем народом; по существу, этот народ так прилепился к монотеизму, что вера в единого Бога стала основным содержанием всей его интеллектуальной жизни, вытеснив любые другие интересы. В этом вопросе народ и священники, ныне возглавившие его, были заедино; но священники, которые ограничили свою деятельность разработкой церемоний богослужения, оказались в оппозиции к сильному народному стремлению возродить две другие доктрины Моисея. Голоса пророков безустанно твердили, что Бог отвергает церемонии и жертвоприношения и не требует ничего, кроме веры в Него и жизни по справедливости и правде. Прославляя простоту и святость своей жизни в пустыне, пророки, несомненно, следовали влиянию идеалов Моисея.

И тут самое время задать вопрос, нужно ли вообще упоминать о влиянии Моисея на окончательные формы еврейской идеи Бога; нельзя ли обойтись предположением о самопроизвольном развитии высшей духовности в ходе многовекового становления культуры? В связи с таким объяснением, которое кладет конец всем нашим попыткам, я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, оно ничего не объясняет. Те же условия почему-то не привели к развитию монотеизма у греков, которые наверняка были более одаренным народом; их политеистическая религия попросту рухнула, уступив место взлету философской мысли. В Египте монотеизм вырос (если мы правильно понимаем его рост) как побочное следствие империализма; Бог был небесной проекцией фараона, единолично управлявшего великой мировой империей. Политические условия жизни евреев были наименее благоприятны для перехода от идеи собственно национального божества к идеи универсального повелителя вселенной. Как мог этот крохотный и бессильный народ посягнуть на роль любимца такого всесильного Бога? Таким образом, вопрос о происхождении еврейского монотеизма остается без ответа, - разве что мы удовлетворимся банальными словами о каком-то особом религиозном гenии евреев. Но гений штука загадочная и ненадежная, поэтому призывать его на помощь можно лишь тогда, когда все другие объяснения оказываются недостаточны. Во-вторых, остается фактом, что еврейская история и ее хроники сами предлагают нам объяснение, настойчиво намекая - и на сей раз в полном единодушии друг с другом, - что идея единого Бога была дарована народу Моисеем. Если что и противоречит правдоподобности этого факта, так лишь то, что священники, переписывая библейский текст, приписали Моисею слишком многое. Они объявили более поздние институты и ритуалы "моисеевыми" законами - с очевидной целью повысить их авторитет. Тут, конечно, есть причины для подозрительности, но для нас это вряд ли достаточно. Ибо, нам ясны, как день, более глубокие причины такого преувеличения. Священники пытались таким способом неразрывно связать свои времена с моисеевыми. Они хотели завуалировать как раз ту особенность, которую мы признали самой поразительной в еврейской религиозной истории - наличие разрыва между моисеевым законодательством и более поздней еврейской религией; того разрыва, который поначалу был заполнен культом Ягве и лишь постепенно был преодолен. Всеми имевшимися в их распоряжении средствами священники пытались отрицать этот истинный ход событий, хотя его историческая достоверность несомненна, тем более что даже библейский текст, несмотря на всю его целенаправленную обработку, сохранил достаточно тому подтверждений. Священническая версия ставила перед собой ту же цель, что и превращение Ягве в Бога праотцев. Если учесть эти скрытые цели священнического кодекса, трудно не согласиться, что монотеистическую идею действительно дал евреям именно Моисей. Нам тем легче согласиться с этим, что мы знаем, откуда сам Моисей взял эту идею, - деталь, которую еврейские священники наверняка забыли.

Здесь можно спросить, что мы собственно выигрываем, возводя еврейский монотеизм к египтянам. Ведь этим мы лишь отодвигаем проблему еще на один шаг, нисколько не выигрывая в понимании истоков монотеистической идеи. Но наша цель - не выиграть, а исследовать. А, постигнув подлинный ход событий, мы, возможно, вдобавок кое-что еще и поймем.

2. Сокрытый период и традиция

Итак, я считаю, что идея единственного Бога, равно как и упор на Его этических требованиях и отрицании всех магических церемоний действительно были отличительными особенностями моисеевой доктрины, поначалу неуслышанной, но постепенно, по прошествии длительного времени, возобладавшей. Чем объяснить этот запоздалый эффект и где мы сталкиваемся с аналогичным явлением?

Размышления говорят нам, что с такими явлениями мы встречаемся в совершенно иной области, где они могут быть истолкованы более или менее легко. Припомним судьбу всякой новой научной доктрины - например, дарвиновского учения об эволюции. Поначалу она сталкивается с враждебным отрицанием и яростно дискутируется в течение десятилетий; однако, уже следующее поколение видит в ней великий шаг к истине. Сам Дарвин удостоился почетного захоронения в Вестминстерском аббатстве. Этот случай не содержит ничего загадочного. Новая доктрина порождает бурное эмоциональное сопротивление. Оно подкрепляется рациональными аргументами, отрицающими факты, на которых основано неприятное учение. Борьба мнений продолжается достаточно долго. Поначалу у доктрины есть и сторонники, и враги; но число и влияние сторонников неуклонно возрастает, пока они не одерживают верх. Все это время враждующие четко отдают себе отчет, в чем состоит предмет их спора. Неудивительно, что этот процесс занимает столь долгое время; следует понимать, что мы имеем дело с проявлением особенностей массовой психологии. Всему этому нетрудно найти аналогию в умственной жизни отдельного индивидуума. Человек узнает о чем-то новом, что ему предлагают принять как истину, ссылаясь на определенные доказательства; это, однако противоречит многим его эмоциям и подрывает определенные убеждения, в которые он свято верит. Он колеблется, ищет аргументы, которые позволили бы отвергнуть новые данные, какое-то время борется с собой, пока не признается:

"видимо, это все-таки верно, хотя мне трудно с этим согласиться" Вся эта аналогия говорит лишь о том, что наше "Эго" нуждается в определенном времени, чтобы проделать интеллектуальную работу по преодолению сомнений, вызванных сильными эмоциями. Но данный случай совершенно не похож на тот, который мы пытаемся разъяснить.

Следующий пример, к которому мы намерены обратиться, имеет, на первый взгляд, еще меньше общего с нашей задачей. Случается, что человек без всяких видимых для себя последствий покидает место какого-нибудь трагического, потрясшего его душу происшествия - например, железнодорожного столкновения. Однако с течением времени в его поведении обнаруживается ряд физических и моторных симптомов, которые можно объяснить только пережитым шоком или другим каким-нибудь воздействием этого инцидента. Такое явление называется "травматическим неврозом". Время, прошедшее между инцидентом и первым появлением симптомов, называется "инкубационным периодом" - прозрачный намек на патологию инфекционных заболеваний. Поразмыслив, мы можем заключить несмотря на кардинальное различие обоих случаев, - что травматический невроз имеет некий общий пункт с историей моисеева монотеизма. Этим общим для обоих является наличие "скрытого периода". Имеются все основания думать, что в истории еврейского народа тоже был длительный период, начавшийся с отпадения от религии Моисея, в течение которого не видно никаких следов монотеистической идеи, осуждения ритуалов и подчеркивания этической стороны. Это наблюдение подготавливает нас к мысли, что ответ на наш вопрос следует искать в некой особой психологической ситуации.

Я уже не раз говорил о событиях в Кадете, где две составные части будущего еврейского народа объединились в принятии новой религии. Те, кто пришел из Египта, все еще сохраняли воспоминания о Моисее и Исходе, и воспоминания эти были настолько сильными и живыми, что эти люди настаивали на включении их в историческую хронику народа. Среди них могли быть внуки тех, кто лично знал Моисея, и даже такие, кто все еще ощущал себя египтянами и сохранял египетские имена. Однако у них были вполне основательные причины "подавлять" в себе память о судьбе, постигшей их вождя и законодателя. Основным стремлением второй части народа было желание восславить нового Бога и скрыть его чуждое происхождение. Обе стороны были одинаково заинтересованы в том, чтобы отрицать существование какой бы то ни было предшествующей религии и в особенности ее непривычных идей. Благодаря этому был достигнут первый компромисс, который вскоре был узаконен письменно; выходцы из Египта принесли с собой искусство письма и увлечение историческими хрониками. Им, однако, было еще далеко до стремления к тому

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org идеалу объективного описания, который выработали более поздние историки. Поначалу они попросту приспосабливали свои хроники к собственным нуждам и взглядам, словно их совесть вовсе не отягощала сознание фальсификации. В результате появились расхождения между писаной хроникой и устным преданием (иначе говоря традицией). То, что было опущено или Изменено в хронике, могло сохраниться неизмененным в традиции. Традиция дополняла хронику и в то же время противоречила ей. Она была меньше подвержена искажающим влияниям, а может и вовсе свободна от них, поэтому она могла быть более правдивой. Впрочем, ее правдивость была подпорчена большей неопределенностью и неоднозначностью за счет многочисленных искажений при устной передаче от одного поколения к другому. Судьба устной традиции может быть различной. Чаще всего она оказывается вытесненной писанным текстом, становится все более смутной и, в конце концов, забывается. Иногда традиция может сама стать письменной версией. Есть и другие возможности, 6 которых мы поговорим позже.

Наличие скрытого периода в истории еврейской религии может быть объяснено следующим образом: те факты, которые так называемая официальная писаная история хотела бы сознательно предать забвению, в действительности никогда не были забыты. Они сохранились в традиции, которая всегда оставалась живой среди народных масс. Согласно Селлину, существовала даже традиция в вопросе о судьбе Моисея, противоречившая официальным хроникам и находившаяся в большем согласии с истиной. То же самое, можно думать, имело место и в отношении других верований, которые, на первый взгляд, были отвергнуты после гибели Моисея, то есть в отношении тех частей моисеевой доктрины, которые были неприемлемы для большинства его современников.

Мы сталкиваемся здесь с примечательным фактом. Он состоит в том, что традиция вместо того, чтобы с годами все более ослабевать, становится все более и более мощной, постепенно пробивает себе дорогу в последующие варианты узаконенных официальных хроник и, в конце концов, делается достаточно сильной, чтобы оказать решающее влияние на мысли и поступки людей. Непонятно однако, какие причины породили столь странный факт.

Факт между тем действительно странен и даже настолько, что вполне оправдано наше желание заново к нему присмотреться. В нем заключена вся наша проблема. Еврейский народ отверг религию Атона, которую дал ему Моисей, и вернулся к поклонению другому богу, который мало чем отличался от "баалим" соседних племен. Все последующие попытки скрыть этот унизительный факт провалились. Однако религия Моисея не исчезла бесследно; сохранилась некая память о ней, некая традиция, возможно – смутная и искаженная. И это воспоминание о великом прошлом продолжало свою работу в сознании, приобретая все большую власть над умами, пока наконец не трансформировало бога Ягве в моисеева Бога и вдохнуло новую жизнь в ту религию, которую Моисей учредил много веков назад. С такой ситуацией, когда дремлющая традиция оказала бы столь мощное воздействие на духовную жизнь народа, мы никогда не сталкивались. Тут мы оказываемся в области массовой психологии, где чувствуем себя не так уж уверенно. Приходится искать аналогии, явления сходной природы, пусть даже в других областях. Но мы их найдем, я не сомневаюсь.

К тому времени, когда созрели условия для возрождения религии Моисея, греки уже располагали богатейшей сокровищницей легенд и мифов о своих героях. Считается, что в девятом-восьмом веках до н. э. возник гомеровский эпос, который почерпнул свое содержание из этого комплекса мифов. Находясь на уровне сегодняшней психологической науки, мы давно уже, задолго до Шлимана и Эванса, могли бы поставить вопрос: откуда взялся весь тот материал сказаний и мифов, который Гомер и великие греческие драматурги превратили в бессмертные творения искусства? Ответ неизбежно был бы таков: видимо, в раннем периоде своей истории греки пережили времена внешнеполитического могущества и высокой культуры, которые завершились некой катастрофой (как действительно говорит нам история), но следы которых сохранились в этих легендах. Археологические раскопки наших дней подтверждают эту гипотезу, которая, будь она высказана раньше, наверняка была бы сочтена слишком дерзкой. Эти раскопки доказали существование грандиозной минойско-микенской культуры, которая на греческом материке закончилась, видимо, к 1250 году до н. э.* Более поздние греческие историки почти не упоминают о тех временах. Говорится, что были дни, когда греки царили на морях, упоминается имя царя Миноса, его дворца и лабиринта; но это и все. От тех великих времен не осталось ничего, кроме традиции, подхваченной великими писателями.

* Как полагают, в результате грандиозного извержения вулкана на острове Санторин, которое почти разрушило сам остров и вызвало катастрофические явления в Средиземном море, на его островах и берегах. Некоторые историки считают, что это породило миф о гибели Атлантиды; другие связывают эти явления с "казнями египетскими" и другими "чудесами" Исхода. (Примечание переводчика.)

Другие народы – например, индузы, финны и германцы – тоже хранят аналогичные эпические сказания. Дело историков литературы решить, существовали ли в этих случаях те же условия, что у греков. Я полагаю, что такие исследования дадут положительный ответ. Условия, в которых, на наш взгляд, возникают подобные народные эпосы, таковы: существует какой-то период ранней истории, который оценивается непосредственными его преемниками как величественный, судьбоносный, грандиозный и почти всегда героический. Однако события эти происходили так давно и принадлежали столь удаленному времени, что более поздние поколения узнают о них лишь в виде смутной и сбивчивой традиции. Зачастую удивляются, почему эпос, как литературная форма, исчезает в более поздние времена. Объяснение может состоять в том, что исчезают условия, необходимые для возникновения эпоса. Старый материал использован, а более близкие события запечатлеваются уже не традицией, а историей. Самые героические свершения наших дней уже неспособны вдохновить на эпос; Александр Македонский имел все основания жаловаться, что у него нет своего Гомера.

Отдаленные времена необычайно сильно, порой с загадочной силой, привлекают воображение. Стоит людям разочароваться в настоящем, – а это случается весьма часто, – и они поворачиваются к прошлому в надежде хотя бы там найти веру в незабываемый Золотой Век. Видимо, человек все еще находится под магической властью детства, которое в памяти представляется ему как время незамутненного блаженства. Смутные и сбивчивые воспоминания о прошлом, которые мы называем традицией, составляют источник вдохновения для художника, который свободен заполнять лакуны в воспоминаниях по воле своего воображения и трансформировать облик воссоздаваемого времени под диктовку своей цели. Можно даже сказать, что чем туманнее становится традиция, тем больше она ему годится. Поэтому нас не должно удивлять значение, которое традиция имеет для творчества, и аналогия, которую мы установили для условий возникновения эпической поэзии, должна склонить нас к принятию странной, на первый взгляд, гипотезы, что в случае евреев именно сохранение моисеевой традиции трансформировало поклонение Ягве в сторону возврата к древней религии Моисея. Однако во всех прочих аспектах эти два случая весьма различны. В первом результатом является поэзия, во втором – религия, и мы к тому же предположили, что под влиянием традиции эта религия может возродиться с такой точностью, которой мы не находим никаких параллелей в эпосе. Стало быть, в нашей проблеме остается еще немало такого, что побуждает к поиску более подходящих аналогий.

3. Аналогия

Единственная вполне удовлетворительная аналогия примечательному процессу, который мы разглядели в истории еврейской религии, может быть найдена в совершенно удаленной от нашей проблемы области знаний. Зато это очень полная аналогия, приближающаяся к тождественности. В ней мы вновь видим феномен скрытого периода, проявление непонятных симптомов, требующих объяснения, и четкую зависимость этих симптомов от более ранних, хотя и забытых, переживаний. Мы находим здесь характерную навязчивость, которая оказывается сильнее логики и резко влияет на психическую жизнь особенность, которая не встречается в генезисе эпоса.

Эту аналогию мы находим в психопатологии, в генезисе человеческих неврозов, иными словами – в науке, которая занимается индивидуальной психологией (тогда как религиозные явления, несомненно, принадлежат к психологии масс). Поначалу эта аналогия не покажется нам поразительной, но это не вполне так; она является скорее аксиомой.

Развивая этиологию неврозов, я приписал большое значение переживаниям, которые мы испытываем в раннем детстве, а потом забываем. Они называются травмами. Сразу напрашивается возражение, что в биографии невротика не всегда можно обнаружить травму. Зачастую нам приходится ограничиваться констатацией, что мы имеем дело просто с преувеличенной реакцией на самые обычные, текущие переживания; большинство людей преодолевают эти трудности иным путем, который можно назвать "нормальным". Когда же мы не можем

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org объяснить реакцию ничем, кроме наследственного и психического предрасположения, мы естественно склонны сказать, что невроз возник не сейчас, не внезапно, а развивался исподволь, из ранних корней.

Тут выявляются два существенных пункта. Во-первых, генезис таких неврозов неизменно восходит к самым ранним переживаниям детства (и поэтому, кстати, бессмысленно исключать этот период из практики психоанализа); во-вторых, точнее было бы сказать, что случаи, которые мы выделяем как "невротические", это именно те, корни которых со всей очевидностью уходят в наиболее сильные впечатления такого раннего периода. Эти впечатления не преодолеваются нормальным путем, и потому мы склонны утверждать, что если бы не то или иное детское переживание, то и никакого невроза бы не было. Для наших целей достаточно ограничить аналогию именно такими травматическими случаями. Однако пропасть между двумя разновидностями не кажется абсолютной. Вполне возможно объединить обе этиологии в одной фразе: все зависит от определения "травмы". Если предположить, что переживание приобретает травматический характер в чисто количественном смысле (то есть, вызывает патологические реакции лишь потому, что предъявляет слишком большие требования к личности), то можно утверждать, что переживание, которое у одного индивидуума порождает травму, у другого может ее не вызвать. Мы приходим к подвижной шкале, или к так называемым "дополнительным рядам", в которых два фактора объединяют свое воздействие на этиологию: минус в одном факторе компенсируется плюсом в другом. Обычно оба фактора работают совместно и только на полюсах спектра мы можем говорить о простой, однозначной мотивации. В силу этих рассуждений можно в дальнейшем обсуждении игнорировать разницу между травматической и нетравматической этиологией, как несущественную, по крайней мере - в нашем случае.

Рискуя впасть в повторение, мы все же позволим себе снова сгруппировать факты, относящиеся к этой важной аналогии. Они состоят в следующем: наши исследования показали, что так называемый феномен (или симптомы) невроза является следствием определенных переживаний и впечатлений, которые мы, поэтому называем этиологической травмой. Все эти травмы относятся к раннему детству, то есть возрасту до пяти лет. Особенно интересны впечатления, относящиеся к тому времени, когда ребенок еще не говорит. Самым важным является период между двумя и четырьмя годами. Мы, однако, не можем сказать, как рано возникает эта чувствительность к травмам вообще.

Как правило, упомянутые переживания забываются и впоследствии недоступны для памяти. Они относятся к периоду инфантильной амнезии, которая лишь порой прорывается какими-нибудь изолированными, отрывочными воспоминаниями, так называемыми припоминаниями из-за экрана".

Впечатления эти связаны с различными агрессивными и сексуальными воздействиями на ребенка, а также с ранними обидами, которые сильно ударили когда-то по младенческому нарциссу. Следует добавить, что дети в таком раннем возрасте еще не проводят столь четкого различия между собственно сексуальными и чисто агрессивными действиями, какое проводят позже взрослые ("садистская" интерпретация детьми подсмотренного сексуального акта характерный тому пример). Неудивительно поэтому, что во всем этом комплексе переживаний преобладает сексуальный фактор, и теория обязана принять это во внимание.

Эти три особенности: переживания первых пяти лет жизни, последующее забывание и наличие сексуально-агрессивного момента - тесно связаны друг с другом. Травмы - это либо физические воздействия, либо восприятия, особенно зрительные и слуховые; иными словами, это переживания или впечатления. Единство трех перечисленных выше характеристик установлено теоретически, на основе аналитических исследований; только психоанализ способен дать нам сведения об этих забытых детских впечатлениях, или - говоря более конкретно, хотя и неточно - "вернуть" эти забытые впечатления в память. Теория утверждает, что, вопреки распространенному убеждению, сексуальная жизнь человека (или то, что позднее ей соответствует) проходит ранний пик, который обрывается примерно в возрасте пяти лет. Затем наступает так называемый скрытый период, длящийся до момента полового созревания; в течение скрытого периода не наблюдается никакого сексуального развития; напротив, во многом происходит даже движение вспять. Эта теория подтверждается анатомическим исследованием эволюции внутренних половых органов; она приводит к выводу, что человек, видимо, произошел от такого животного, у которого половая зрелость наступала уже в пять лет; возникает

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org подозрение, что приостановка и последующее возобновление сексуального развития во многом связаны именно с переходом от животного к человеческому уровню. Человек, видимо, единственное животное, имеющее "скрытый период" и "отсроченную" сексуальность. Исследования приматов (насколько мне известно, еще не производившиеся) могли бы послужить бесценным способом проверки этой теории. Психологически весьма существенно, что период "инфантальной амнезии" совпадает с ранним расцветом сексуальности. Возможно, это совпадение является необходимым условием возникновения неврозов, само существование которых представляется достоянием одного лишь вида homo sapiens; в этом плане неврозы могут рассматриваться какrudiment древнейших времен - подобно определенным органам нашего тела. Каковы общие черты всех невротических симптомов? Здесь следует отметить два важных пункта. Влияние травмы является двойственным, негативным и позитивным. Позитивное влияние состоит в попытках возродить травму, припомнить забытое переживание или, еще лучше, реально испытать его - заново пережить его повторение в действительности; если это была ранняя эмоциональная привязанность, то возродить ее в виде аналогичных отношений с другим человеком. Такие попытки в целом именуются "фиксацией на травме" или "навязчивым повторением". Они могут включаться в так называемое обычное Эго и в виде стойких желаний вести к неустранимым чертам характера, хотя - или, скорее, потому что - их реальные причины, их происхождение давно уже забыты. Так, человек, который провел детство под чрезмерной и с тех пор забытой материнской опекой ("фиксация на матери"), может всю жизнь искать женщину, от которой будет зависеть, которая будет кормить и защищать его. Девушка, соблазненная в раннем детстве, может в более поздней сексуальной жизни провоцировать повторение таких ситуаций снова и снова.

Негативные реакции направлены к противоположной цели - все забыть и ничего не повторять. Их можно назвать защитными реакциями. Они проявляются в стремлении избежать травмирующей темы, которое постепенно может превратиться в фобию. Эти негативные реакции тоже вносят свой вклад в формирование характера. В действительности они представляют собой не меньшую фиксацию на травме, чем реакции позитивные, но идут в противоположном направлении. Симптомы собственно невроза являются компромиссом между негативными и позитивными реакциями; иногда преобладает одна, иногда другая компонента. Такие противоположные реакции порождают конфликты, которые человек самостоятельно, как правило, не может разрешить. Второе замечание состоит в следующем. Все эти явления - как симптомы, так и изменения в психике личности - имеют навязчивый характер; иными словами они отличаются большой психической силой и обнаруживают далеко идущую независимость от психических процессов, приспособленных к требованиям реального мира и подчиняющихся законам логики. Внешняя реальность на них не влияет или почти не влияет; они не считаются с реальными вещами или их ментальными отражениями, так что легко могут войти с ними в противоречие. Они образуют нечто вроде государства в государстве, некую недоступную часть психики, не участвующую в общем содружестве; но при этом они могут возобладать над второй, так называемой нормальной компонентой и поставить ее на службу себе. В таких случаях внутренняя психическая реальность утверждает свой суверенитет над реальностью внешнего мира; так открывается путь к безумию. Но даже если до этого не доходит, практические последствия такого конфликта неизмеримы. Фобии, или даже просто неспособность справиться с требованиями жизни, проявляемые людьми, над которыми властвует невроз, играют существенную роль в человеческом обществе. Все эти неврозы следует рассматривать как прямое выражение "фиксации" на раннем периоде жизни человека.

Что можно сказать о "скрытом периоде", особенно интересном в свете нашей аналогии? Детская травма может сразу же вызвать невроз; это будет защитной реакцией, сопровождающей образование симптомов. Такой невроз может затянуться и привести к серьезным нарушениям психики; но он может остаться скрытым и пройти незамеченным. Как правило, защитная реакция одерживает верх, но в любом случае психика сохраняет шрамы травматических изменений. Детский невроз крайне редко переходит напрямую в невроз взрослого человека. Более часто между ними пролегает период ничем не возмущенного развития, чьему способствует приостановка физиологического созревания. Лишь затем появляются те изменения, которые позволяют говорить о неврозе как отсроченном последствии травмы. Это происходит либо во время полового созревания, либо позже. В первом случае это вызвано тем, что инстинкты, усиленные физическим созреванием, снова начинают борьбу, в которой они раньше были побеждены. Во втором случае невроз выходит наружу позже, потому что реакции и изменения личности, порожденные защитным механизмом,

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org становится препятствием на пути приспособления к проблемам взрослой жизни, и это порождает тяжелые конфликты между требованиями внешнего мира и особенностями Эго, которое стремится сохранить ту структуру, что далась ему такой болезненной ценой в ходе защитной борьбы. Наличие скрытого периода между первой, детской реакцией на травму и последующим, во взрослом возрасте, проявлением болезни может быть признано типичным. Сама болезнь должна рассматриваться как попытка самоизлечения, то есть примирения травмированного Эго с остальной, здоровой частью психики, чтобы превратить эту психику в достаточно сильное целое, способное справиться с окружающим миром. Однако эта попытка редко кончается удачей без помощи аналитика, да и в этом случае успех приходит не всегда. Зачастую болезнь приводит к полному разрушению и распаду Эго или же к его подчинению той деформированной части, которая отгородилась от него еще в детстве и с тех пор контролировалась скрытой травмой.

Я сознаю, что все эти рассуждения прозвучат убедительно только для тех немногих, кто посвятил свою жизнь изучению и лечению неврозов. И поскольку я обращаюсь здесь к широкой аудитории, мне остается лишь попросить читателя хотя бы на пробу поверить тон сокращенной лекции, которую он только что прослушал; я же, со своей стороны, готов признать, что он может согласиться с нижеследующими выводами только в том случае, если теория, на которой они основаны, окажется верной.

4. Приложение

Ранняя травма – защита – скрытый период – взрыв невроза – частичное возвращение подавленных переживаний – такова формула, которую мы вывели из невротического процесса. Теперь я приглашаю читателя сделать вместе со мной еще один шаг и предположить, что в истории рода человеческого происходит нечто, весьма подобное событиям в жизни каждого отдельного человека. Иными словами, человечество как целое тоже проходит через конфликты сексуально-аггрессивного характера, которые оставляют по себе неустранимые следы, но по большей части подавляются и забываются; позднее, после длительного скрытого периода, они снова возрождаются в коллективной психике и вызывают к жизни явления, сходные по структуре и тенденции с невротическими симптомами индивидуума.

Я надеюсь, что разъяснил эти процессы, и хочу теперь показать, что их последствия, столь сходные с невротическими симптомами, связаны с возникновением религии. Поскольку после открытия Дарвином эволюции уже нет сомнений, что человечество имело предысторию, и поскольку эта предыстория неизвестна (иными словами, забыта), мое утверждение выглядит почти как аксиома.

Я уже выдвигал этот тезис более четверти века назад, в книге "Тотем и табу" (1912), и теперь мне достаточно лишь вкратце повторить сказанное там. Мои рассуждения исходят из некоторых замечаний Дарвина и гипотезы Аткинсона. Они утверждают, что в первобытные времена люди жили маленькими группами под предводительством сильного самца. Время этих событий неизвестно; никакой связи с геологическими данными не удалось установить. Возможно, что люди тогда еще не вполне овладели речью. Существенно однако, что все первобытные люди, включая, разумеется, наших предков, прошли через этот этап.

Я расскажу эту историю весьма сокращенно и так, словно то, что в действительности потребовало столетий и за это время неоднократно повторялось, произошло лишь один-единственный раз. Сильный самец был вожаком и отцом всей орды и обладал безграничной властью, которой пользовался с величайшей жестокостью. Все самки орды принадлежали ему, а судьба его сыновей была плачевна: если они возбуждали ревность отца, их ожидала смерть, кастрация или изгнание. Им приходилось жить своими маленькими мужскими группами и добывать себе жен, воруя женщин с других стоянок. Постоянно, однако, тот или иной сын достигал положения, сходного с положением отца в родной орде. Один из путей такого возвышения был вполне естественный – я имею в виду возвышение младшего сына, который был защищен от гнева отца материнской любовью и замещал вожака после его смерти. Отголосок традиции изгнания старшего сына и предпочтительного положения младшего проходит во многих мифах и сказках.

Следующий решительный шаг к изменению этой первичной "социальной" организации мог состоять, как мы предполагаем, в таком повороте событий: старшие братья, изгнанные из орды и жившие отдельной группой, собирались

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org вместе, убивали отца и, следуя обычаям тех времен, совместно пожирали его тело. Этот каннибализм не должен нас шокировать, он еще долго удерживался в человеческих коллективах. Существенно однако, что тут мы молчаливо приписываем тем первобытным людям те же чувства и эмоции, которые обнаруживаем в "примитивных" людях нашего времени - в наших детях - с помощью психоанализа. Иными словами, мы полагаем, что они не только ненавидели и страшились своего отца, но одновременно почитали его, как пример для подражания; в сущности, каждый сын хотел бы стать таким же, как отец. Поэтому упомянутый акт каннибализма следует понимать, как попытку отождествиться с отцом путем съедения его части.

Разумно допустить, что после убийства отца наступил период взаимной борьбы за главенство, которое каждый брат хотел захватить себе. Вскоре они увидели, что эта борьба столь же опасна, сколь и бесплодна. Достигнутое с таким трудом взаимопонимание, равно как и воспоминание о совместном героическом освобождении, а также взаимная привязанность, укрепленная годами изгнания, привели, в конце концов, к союзу, или своеобразному "общественному договору". Так возникла первая форма социальной организации, в которой все стороны взаимно отказались от удовлетворения своих инстинктов, признали взаимные обязательства и провозгласили священные нерушимые правила общежития - короче, заложили основы морали и закона. Каждый отказался от стремления стать единоличным заместителем отца и обладать своей матерью или сестрами. С этого момента возникли известные нам табу на инцест и закон экзогамии. Значительная часть власти, освободившейся после убийства отца, перешла к женщинам; последовал период матриархата. Но все это время в "братьской орде" сохранялось воспоминание об отце. Суррогатом этого первого вожака орды стало какое-нибудь сильное, возможно - опасное животное. Такой выбор может показаться странным, но первобытный человек еще не проводил того различия между людьми и животными, которое создали его потомки. Не проводят такого различия и наши дети, страх которых перед животными оказалось возможным объяснить именно страхом перед отцом. Отношение орды к такому животному - "тотему" сохранило всю амбивалентность первичного отношения к отцу. С одной стороны, тотем воплощал в себе телесного предка и духа-хранителя орды; его следовало почитать и защищать. С другой стороны, был учрежден праздник, во время которого его постигала та же судьба, что некогда - первобытного отца: братья совместно убивали и поедали его. Этот праздник тотемного пиршества в действительности символизировал победу объединившихся сыновей над жестоким отцом.

Какое же место в этой картине занимает религия? Тотемизм с его поклонением суррогату отца, с его амбивалентностью отношения к этому отцу, которое проявляется в тотемном пиршестве, с его обычаем праздника воспоминаний и законами, нарушение которых карается смертью - такой тотемизм, заключаю я, можно рассматривать как самое раннее проявление религии в истории человечества, и он показывает, какие тесные связи существовали с самого начала между социальными обычаями и моральными правилами. Последующее развитие религии может быть очерчено здесь лишь в самом общем виде. Несомненно, оно происходило параллельно культурному развитию человечества и изменениям в его социальных институтах.

Следующим шагом после тотемизма было очеловечивание существа, которому поклонялась орда. Место животных заняли человеческие боги, связь которых с тотемом все еще достаточно прозрачна: либо эти боги вообще изображаются, как животные, либо сохраняют определенные признаки животных; сам тотем-животное может стать атрибутом такого божества или же миф рассказывает, как это божество побеждает именно то животное, которое в действительности было его предшественником. В какой-то период - трудно сказать, когда (возможно - еще до появления мужских богов) - появляется культ великих богинь-матерей; они долго остаются объектом поклонения еще и потом, наряду с богами-мужчинами. В это время происходит великая социальная революция. Матриархат сменяется возрожденным патриархатом. Верно, новые отцы уже не достигают того всемогущества, что первобытный отец. Их слишком много, и они живут в более многочисленном коллективе, чем вожаки первичной орды; им приходится, поэтому ладить друг с другом и подчиняться социальным ограничениям. Возможно, богини-матери появились как раз тогда, когда матриархат был ограничен, чтобы компенсировать урон, понесенный свергнутыми с трона женщинами. Мужские божества появились поначалу на ролях сыновей этих великих богинь, и лишь позднее они явно обретают черты отцов. Эти мужские божества политеистической эпохи отражают в себе все особенности патриархальных времен. Они многочисленны, делят между собой власть и порой подчиняются старшему божеству. Но уже следующий шаг прямо ведет к

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org интересующему нас вопросу: это возвращение одного-единственного бога-отца, обладающего безграничной властью.

Я вынужден признать, что этот исторический очерк грешит многими пробелами и нуждается в дальнейшем подтверждении. Но тот, кто назовет эту реконструкцию первобытной истории слишком фантастичной, в свою очередь погрешит серьезной недооценкой многочисленности и силы доказательств, на которые она опирается. Многое из того, что вплетено в эту целостную картину, доказано исторически или даже сохранилось по сей день у примитивных племен (матриархат, тотемизм, мужские группы); многое другое обнаруживает себя в примечательных воспроизведениях. Нет недостатка в исследователях, удивлявшихся сходству между обрядом христианского причастия (когда верующие символически поедают плоть и кровь их Бога) и тотемным пиршеством, внутренний смысл которого причастие, в сущности, воспроизводит. Многочисленные следы нашей забытой ранней истории сохранились в легендах и сказках различных народов, а психоаналитическое исследование духовной жизни детей принесло неожиданно щедрые результаты, заполнившие лакуны в наших представлениях о первобытных временах. В нашей реконструкции нет ничего придуманного, ничего, что не покоилось бы на достаточно надежных основаниях.

Предположим, что это представление о первобытной истории в целом верно. Тогда в религиозных обрядах и доктринах можно немедленно распознать два элемента: с одной стороны, фиксацию на давней истории орды-семьи, с другой воспроизведение и возвращение прошлого после долгого периода забвения. Именно этот второй элемент доселе не был замечен и потому - не понят. Проиллюстрируем его, поэтому хотя бы одним впечатляющим примером.

Для этого стоит подчеркнуть, что всякое воспоминание, возвращающееся из забытого, обладает некой особой силой, производя ни с чем не сравнимое воздействие на человеческие массы и порождая непреодолимое желание в него поверить, против которого бессильны все логические аргументы. Эта странная особенность может быть понята только в сравнении с навязчивыми представлениями в случае психотиков. Давно уже установлено, что такие представления содержат элемент забытой реальности, которой - по возвращении - приходится мириться с искажением и непониманием; стойкая вера людей в такие представления порождена именно этим зерном истины, в них содержащимся, и распространяется не только на него, но также и на те искажения, которые на это зерно наслорились. Наличие такого "зерна истины", - которое мы можем в данном случае назвать исторической правдой - следует приписать и религиозным доктринаам. Они отягощены, это верно, признаками психотических симптомов, но, будучи массовыми явлениями, не поддаются проклятию изолированности, которое постигает их в психике индивидуума.

Ни в одном разделе религиозной истории этот феномен не проявляется с такой широкой ясностью, как в становлении еврейского монотеизма и его перерастании в христианство. (Кстати, каждый из четырех евангелистов имеет свое излюбленное животное.) Если мы на минуту предположим, что правление фараона Эхнатона послужило внешней причиной появления монотеистической идеи, то немедленно увидим, что эта идея, изъятая из ее почвы и переданная другому народу, пережив долгий скрытый период, возвращается к пародии, воспринимается им заново, ценится как величайшее достояние и сама в свою очередь сохраняет этот народ, наделяя его гордостью за свою избранность. Идея эта - в сущности, ни что иное, как религия первобытного отца с присущими ей надеждами сыновей на вознаграждение, выделенность и первенство в мире. (Любопытно, что отголосок последней из этих надежд, давно уже отброшенной самим еврейским народом, все еще сохранился среди его врагов в виде веры в заговор "мудрецов Сиона".) Мы позже обсудим, как получилось, что особенности заимствованной в Египте монотеистической идеи сформировали еврейский характер, направив его по пути возвышенности и духовности. Люди, убежденные, что обладают истиной, и увлеченные сознанием своей избранности, начинают высоко ценить всякие интеллектуальные и этические достижения. Я покажу также, как их горестная судьба и заготовленные для них действительностью беды повели к усилению этих традиций. Сейчас, однако, нам следует проследить их историю в несколько ином направлении, - в сторону возникновения христианства.

Восстановление первобытного отца в его исторических правах означало большой прогресс, но не могло положить конец религиозному процессу. Другие элементы праисторической трагедии тоже добивались признания. Трудно сказать, как развивался этот процесс. Возможно, к тому времени еврейский народ (а может,

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org и вся тогдашняя цивилизация) был охвачен мощным чувством вины и греховности, которое было предвестником возвращения некогда вытесненного воспоминания. Этот кризис продолжался до тех пор, пока какой-то еврей, маскируясь под религиозно-политического агитатора, не провозгласил революционную доктрину, которая – объединившись с зачатками другого, христианского учения – отделилась от собственно еврейской религии. То был Павел, римский еврей из Тарсиса, который ухватился за разлитое в воздухе времени чувство вины и заново связал его с подлинным первичным источником, убийством Отца (то есть Моисея). Он назвал этот грех "первородным"; в сущности, то был грех против Бога, который можно было искупить только смертью. Таким образом, смерть пришла в мир через первородный грех, ибо этим грехом, заслуживающим смертной кары, в действительности было убийство Отца, который позднее был обожествлен. Само это преступление, конечно, никто уже не помнил; его место заняла доктрина "искупления", и она-то получила широчайшее распространение среди тогдашних людей в виде вести о спасении (евангелия). Искупление это состояло в том, что сын Бога, незапятнанный первородным грехом, пожертвовал собой и тем самым принял на себя вину всего мира. Разумеется, Спасителем должен был быть Сын, потому что преступление было совершено против Отца. Возможно, на эту фантастическую доктрину спасения повлияли также греческие и восточные мистерии. Но ее подлинная суть представляется собственным вкладом Павла. Он был человеком необычайного религиозного дара – в точном смысле этого слова. Мрачные следы прошлого залегли в его душе, силясь прорваться в область сознательного.

Представление, будто Спаситель пожертвовал собой, будучи невинным, было конечно явным и тенденциозным искажением, которое трудно совместить с логикой. Как мог невинный человек принять на себя грех убийцы тем, что разрешил убить себя? Но историческая реальность не знает таких противоречий. "Спасителем" действительно мог быть только самый виновный, то есть вождь той группы братьев, которая восстала против Отца. Существовал ли такой "Искупитель" в действительности, останется, по-видимому, навсегда неясным. Это вполне возможно, но следует также помнить, что любой другой из братьев наверняка тоже стремился быть главным и этим обеспечить себе право на отождествление с отцом, которое он утратил бы, растворившись в безымянной группе. Если такие лидеры-искупители в первобытные времена не появлялись, значит, Христос является всего лишь порождением неосуществленной фантастической мечты; если же эта мечта – отголосок прадавних, происходивших в реальность событий, то Христос – их наследник и воплощение. Для нас, однако* несущественно, имеем мы здесь дело с фантазией или возвращением забытой реальности; в любом случае, мы видим тут зарождение концепции героя – того, кто восстает против отца и под тем или иным прикрытием убивает его. (Эрнест Джонс обратил мое внимание на возможность того, что бог Митра, убивающий Быка, представляет собой такого вождя, символически прославляющего свое деяние. Известно, как упорно митраизм боролся за первенство с христианством.) Здесь мы видим также источник "трагической вины" героя греческой драмы – вины, которую трудно обнаружить в других великих творениях древнего искусства. Вряд ли можно сомневаться, что в греческих трагедиях герой и хор представляют именно этого героического бунтаря и орду его братьев, и не случайно возрождение театра в средние века началось именно с представления Страстей Христовых.

Я уже упоминал, что христианская церемония причастия повторяет содержание давнего тотемного пиршества; но она повторяет его только в смысле любви и обожания, а не в его агрессивном плане. Однако амбивалентность отношений отца и сына полностью проявляется в суммарном результате религиозных нововведений Павла. Предназначенные умилостивить Бога-Отца, они завершаются Его свержением и отбрасыванием. Религия Моисея была религией Отца; христианство стало религией Сына. Прежний Бог, Отец, перешел на второе место; Христос, его Сын, заместил его, как некогда, в далекие темные времена, всякий сын хотел заместить родителя. Желая обновить еврейскую религию, Павел, в сущности, отверг ее. Своим успехом на этом пути он был, несомненно, обязан тому, что с помощью доктрины спасения ублаготворил алчный призрак вины. К тому же он отказался от европейской идеи избранного народа и зрячего признака этой избранности – обрезания. Благодаря этому новая религия стала всеобщей, универсальной. И хотя этот шаг мог быть продиктован всего лишь желанием Павла сквитаться с противниками его новшеств среди евреев, тем не менее, одна из характеристик прежней религии Атона (универсальность) была возрождена; было отброшено ограничение, наложенное на нее при переходе к новому носителю, евреям. В определенном смысле новая религия была шагом назад по сравнению с прежней европейской

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

доктриной; так происходит всегда, когда новые массы людей более низкого культурного уровня вторгаются или допускаются в старую культуру. Христианство не дотягивало до тех вершин духовности, к которым поднялась еврейская религия. Оно не было чисто монотеистическим; оно заимствовало у окружающих народов многочисленные символические ритуалы, возродило богиню-матерь и допустило множество политеистических божков - хотя и в подчиненной роли, но весьма легко распознаваемых. И сверх всего оно не было ограждено, в отличие от религии Атона и последующей моисеевой религии, от проникновения всевозможных магических и мистических элементов, которые весьма затруднили духовное развитие в последующие два тысячелетия.

Триумф христианства был повторением победы жрецов Амона над богом Эхнатона, только с перерывом на полторы тысячи лет и на гораздо большем пространстве. И, тем не менее, христианство обозначило также определенный прогресс в истории религии - в смысле возвращения некогда вытесненного, "истинного" ее содержания. С этого момента еврейская религия превратилась, так сказать, в окаменелость.

Стоило бы попытаться понять, почему монотеистическая идея произвела такое глубокое впечатление именно на еврейский народ и по какой причине он так неотрывно к ней прилепился. Я думаю, что на этот вопрос можно ответить. Великое деяние - и злодеяние - первобытных времен, убийство Отца, было приписано евреям, потому что судьба распорядилась так, что они воспроизвели его в виде убийства Моисея, этого их "отцовского суррогата". То был типичный образчик "реального воспроизведения" вместо "мысленного припоминания", довольно часто встречающийся также в практике индивидуального психоанализа. Но евреи ответили на доктрину Моисея (которая должна была бы послужить для них стимулом) тем, что стали отрицать его убийство, они не пошли дальше признания его великим отцом и остановились перед тем пунктом, с которого Павел позднее подхватил и продолжил первобытную историю. Тот факт, что исходным пунктом создания новой, Павловской религии послужила насильственная смерть другого великого человека, вряд ли можно считать случайным. То был человек, которого небольшая кучка его приверженцев в Иудее считали Сыном Бога и долгожданным Мессией и которому позднее был приписан ряд особенностей, характерных для истории детства Моисея. В действительности, однако, мы знаем о нем едва ли не меньше, чем о Моисее. Мы не знаем, был он действительно тем великим человеком, какого рисуют нам евангелия, или же все его значение связано лишь с особыми обстоятельствами и фактом его смерти. Павел; его великий апостол, лично Христа не знал...

Убийство Моисея его народом, - о котором Селлин догадался, анализируя сохранившиеся следы традиции, и которое Гете загадочным образом предположил, не имея вообще никаких доказательств, - было важнейшей частью всех наших рассуждений, связующим звеном между забытым деянием первобытных времен и его последующим возрождением в форме монотеистической религии. (Интересно в этой связи сравнить наши рассуждения с известным вступлением "Умирающий бог" в книге Фрэзера "Золотая ветвь".) Так и хочется предположить, что именно это чувство вины, связанное с убийством Моисея, явилось толчком к возникновению чаемой фантазии о приходе Мессии, который придет, чтобы дать своему народу искупление и обещанную власть над миром. Если Моисей был первым Мессией, то Христос - его суррогат и преемник. Тогда Павел имел полное право сказать своим слушателям: "Смотрите, Мессия действительно явился. Он действительно был убит на ваших глазах". И тогда есть некая историческая правда в легенде о воскресении Христа, потому что он является "воскресшим Моисеем", равно как и вернувшимся первобытным отцом первобытной орды, только трансформированным в Сына, который замещает Отца.

Несчастный еврейский народ, который с присущим ему жестоковым упрямством продолжал отрицать убийство своего "отца", дорого поплатился за это в ходе последующих столетий. Снова и снова слышал он обвинение: "Вы убили нашего Бога". И это обвинение, если его правильно толковать, в сущности, совершенно справедливо. В историко-религиозном смысле оно означает: "Вы не хотите признать, что убили Бога" (то есть архетип Бога, первобытного Отца и его последующие воплощения). Но здесь христианам следовало бы добавить: "Верно, мы тоже убили его, но мы в этом признались и поэтому очищены от греха". Увы, далеко не все обвинения, которые антисемиты швыряют в лицо потомкам еврейского народа, имеют под собой столь серьезные основания. Видимо, явление этой всеобщей, длительной и яростной ненависти к евреям имеет не одну-единственную причину. Можно было бы разъяснить многие из них; впрочем, некоторые причины антисемитизма вообще не нуждаются в толковании,

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org поскольку проистекают из очевидных источников; зато другие берут начало более глубоко, в источниках более скрытых. В первой группе самым лживым является обвинение в "пришлости", поскольку во многих антисемитских странах евреи представляют собой как раз самую древнюю часть населения, укоренившуюся еще прежде нынешнего национального большинства. Так обстоит, например, дело в Кельне, куда евреи пришли еще с римлянами - задолго до того, как эти места были заселены германскими племенами. Другие причины антисемитизма лежат глубже, - например, то обстоятельство, что евреи всегда живут как меньшинство среди других народов, а массовое чувство солидарности нуждается, для полноты, в ненависти к чужеродному меньшинству, которое своей малочисленностью и слабостью так и приглашает к насилию над собой. Однако все другие особенности евреев воистину "непростительны". Во-первых, они во многих отношениях отличаются от своих "хозяев". Конечно, не так уж фундаментально, поскольку они все-таки не составляют "азиатскую расу", как утверждают их враги, а состоят в основном из остатков средиземноморских народов и унаследовали их культуру. Тем не менее, они отличаются (хотя порой трудно указать, чем именно), особенно от нордических народов, а расовая нетерпимость, как ни странно, куда сильнее проявляется в отношении к небольшим различиям, чем к фундаментальным. Вторая особенность имеет еще более глубокое значение. Евреи неизменно превозмогают насилие, и даже самые жестокие преследования не сумели привести к их исчезновению. Напротив, они демонстрируют способность стоять на своем в практической жизни, а там, где им это разрешают, вносят ценный вклад в окружающую культуру.

Более фундаментальные мотивы антисемитизма уходят корнями в далекое прошлое; они скрыты в подсознании, и я вполне готов к тому, что слова, которые намереваюсь сейчас сказать, покажутся на первый взгляд невероятными. Я дерзну утверждать, что зависть, которую евреи вызывают у других народов, настаивая на своей избранности Богом- Отцом, все еще таится в сердцах окружающих народов, тем самым как бы подтверждая эти еврейские претензии. Далее, не случайно, что среди всех отличительных признаков отстраненной еврейской жизни обрезание - то, что производит самое жуткое впечатление на окружающих. Объяснение этого, возможно, состоит в том, что оно напоминает этим народам- "детям" о жуткой угрозе кастрации и прочих страшных вещах из их первобытного детства, о которых они тщетно хотели бы забыть. И, наконец самый молодой мотив в этом ряду: не следует забывать, что все народы, которые ныне особенно отличаются антисемитизмом, стали христианскими в сравнительно недавнее время, порой принужденные к этому кровавым насилием. Можно было бы сказать, что они "дурно христианизованы"; под тонким покровом христианства они остались все теми же многобожными язычниками, какими были их предки. Они еще не преодолели своей враждебности к новой, навязанной им религии, и вот они проецируют ее на тот источник, откуда христианство к ним пришло. Тот факт, что евангелия рассказывают о событиях, произошедших среди евреев, и по существу вообще говорят только о евреях, лишь способствовал такому проецированию. Ненависть к иудаизму в основе своей есть ненависть к христианству, и неудивительно, что в немецкой национал-социалистической революции тесная связь между этими двумя монотеистическими религиями нашла столь откровенное выражение во враждебном обращении с обеими.

РАЗДЕЛ II

1. Итоги

Завершающая часть этого очерка не может быть опубликована без пространных разъяснений и оправданий. Ибо она является попросту последовательным, зачастую буквальным повторением части первой, разве что в ней более скрыты критические замечания и сделаны некоторые добавления касательно того, как и почему еврейский народ приобрел свой специфический характер. Я понимаю, что такой способ преподнесения материала столь же неэффективен, сколь и нехудожествен. Я искренне им недоволен. Почему же я не избежал его? Ответ на этот вопрос найти не трудно, куда труднее признаться в нем. Я не сумел избавиться от следов того необычного пути, каким возникла эта книга.

По правде говоря, она была написана дважды. Первый раз - несколько лет назад, в Вене, когда я не верил в возможность ее опубликования. Я решил забросить ее, но она преследовала меня как призрак непогребенного человека, и я пошел на половинчатое решение, опубликовав две первые главы отдельно в журнале "Имаго". То были психологическое введение ко всей книге: "Моисей как египтянин" - и основанное на нем историческое эссе: "Если бы Моисей был египтянином". Все прочее, что могло бы задеть определенных людей и потому

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org представлялось опасным, а именно - приложение теории к вопросу о происхождении монотеизма и мою трактовку религии - я отложил в сторону, полагая, что навсегда. Затем, в марте 1938 года, произошло неожиданное немецкое вторжение. Оно вынудило меня покинуть дом, но одновременно освободило от опасений, что публикация моей книги может вызвать запрещение психоанализа в той стране, где практиковать его все еще было разрешено. Едва лишь я прибыл в Англию, как ощущал непреодолимый соблазн сделать свои выводы известными миру, и поэтому начал переписывать вторую часть очерка, чтобы опубликовать ее вслед за двумя первыми главами. Это естественно вынудило меня переработать материал, хотя бы частично. Я, однако, не сумел вторично обработать всю книгу. С другой стороны, я никак не мог решиться и полностью отказаться от двух прежних публикаций и в результате пошел на компромисс, решив добавить первую часть в ее неизменном виде к переработанной второй - комбинация, которая чревата многочисленными повторениями.

Я мог бы, правда, утешить себя соображением, что поднятая мною проблема настолько нова и значительна, что, независимо даже от того, верно ли я ее излагаю, будет не таким уж большим недостатком, если читателю придется читать о ней дважды. Некоторые вещи заслуживают повторения, да и тогда этого недостаточно. Однако несравненно лучше все же предоставить свободной воле читателя - размышлять над проблемой или возвращаться к ней еще раз. Негоже подкреплять свои выводы, лукавым образом преподнося одну и ту же тему дважды. Идя на это, ты всего лишь обнаруживаешь свою писательскую неуклюжесть и вынужден нести за это вину. Но, увы - творческий порыв не всегда следует благим намерениям автора. Бывает, что книга растет, как хочет, а порой встает перед автором как совершенно независимое и даже чуждое ему творение.

2. Народ Израиля

Коль скоро мы ясно понимаем, что предлагаемая нами процедура: извлечение из традиции только полезного и отбрасывание непригодного с тем, чтобы затем соединить отобранное в соответствии с психологической вероятностью - повторяю, коль скоро мы понимаем, что подобная процедура ни в малейшей степени не гарантирует приближения к истине, то вполне законно спросить, почему мы предпринимаем подобную попытку. В ответ я вынужден сослаться на результаты. Если мы существенно ослабим строгие ограничения, обычно накладываемые на исторические и психологические исследования, то этим можем открыть путь к уяснению проблем, и всегда-то казавшихся достойными внимания, а сейчас - в свете недавних событий - снова приводившим его к себе. Известно, что из всех народов, населявших в древности средиземноморский бассейн, евреи, видимо, - единственные, все еще существующие под тем же именем и, вероятно, с теми же чертами. Они с беспримерной силой сопротивлялись ударам судьбы и преследованиям, выработали специфические национальные особенности и попутно снискали себе искреннюю неприязнь всех прочих народов. Вполне естественно желание лучше понять, откуда у евреев такая сила сопротивления и как их характер связан с их судьбой.

Мы могли бы начать с одной специфической еврейской черты, которая определяет их отношение к другим людям. Нет сомнения, что евреи исключительно высокого мнения о самих себе и считают себя благороднее, выше окружающих людей, от которых они отделены, вдобавок, и многими своими обычаями. При этом они воодушевлены особой верой в жизнь, какую дает лишь тайное обладание неким бесценным даром; им присущ своего рода оптимизм. Религиозный человек называл бы это, пожалуй, верой в Бога.

Нам известна причина такого их поведения и природа их бесценного сокровища. Они действительно считают себя избранным народом Бога; они уверены, что особенно близки к Нему, и это наполняет их гордостью и уверенностью. Вполне надежные источники говорят, что они и в эллинистические времена вели себя так же. Иными словами, еврейский характер уже тогда был таким, как сейчас, и греки, среди которых и рядом с которыми они жили, относились к этим еврейским особенностям так же, как современные их "хозяева" сегодня. Греки относились к ним так, что кажется, будто они тоже верили в ту предпочтительность, на которую претендовали сами израильты. Когда кто-то объявляет себя любимцем наводящего ужас отца, немудрено, что прочие братья и сестры его ревнуют. К чему ведет такая ревность, прелестно показано в еврейской легенде о Иосифе и его братьях. Но последующий ход мировой истории как будто бы оправдывает эти еврейские претензии, ибо, когда

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org позднее Бог согласился послать людям мессию и искупителя, он снова выбрал его из еврейской среды. Тут уж другие народы как будто вполне имели основания сказать: "Они действительно правы - они избранный Богом народ". Вместо чего случилось так, что искупление через Иисуса Христа навлекло на евреев еще большую ненависть, а сами они не извлекли никакой пользы из этого вторичного доказательства своей избранности, поскольку не признали искупителя.

В силу моих предыдущих замечаний следует заключить, что именно Моисей наградил еврейский народ той особенностью, которая сыграла такую роль во всей его истории. Именно этот человек укрепил их самоуверенность, внушив им, что они избранный Богом народ; именно он объявил их святыми и наложил на них обязанность сторониться всех других. Не то, чтобы другим народам недоставало самоуверенности. Тогда, как и сейчас, каждый народ считал себя выше всех остальных. Однако благодаря Моисею самоуверенность евреев была укоренена в религии; она стала частью их религиозной веры. Благодаря особо близким отношениям со своим Богом они приобрели частицу его величия. А поскольку мы знаем, что за Богом, который избрал евреев и вывел их из Египта, стоял человек Моисей, то я отважусь сказать: именно он, этот человек Моисей, и сотворил евреев. Ему этот народ обязан своей жизненной цепкостью; но ему же он обязан той враждебностью, с которой он столкнулся и все еще сталкивается до сих пор.

3. Великий человек

Откуда же в одном-единственном человеке такая исключительная сила, что он способен создать из чужих друг другу людей и семей единый народ, запечатлеть в нем специфический характер и определить его судьбу на грядущие тысячелетия? Не является ли такое предположение возвратом к тому образу мышления, который некогда породил мифы о сотворении мира и поклонение героям, возвратом к тем временам, когда исторические хроники ограничивались пересказом деяний и биографий немногих людей - повелителей и завоевателей? Ведь наши времена склонны, скорее, объяснять события человеческой истории более скрытыми, общими и безликими факторами - навязанными влиянием экономических обстоятельств, изменениями в пищевом рационе, прогрессом материалов и орудий, миграциями, вызванными ростом населения или переменой климата. В этих процессах отдельной личности нет иной роли, кроме как быть выразителем или представителем массовых тенденций, стремящихся к воплощению и находящих его - как бы по случаю - именно в этих личностях.

Это тоже вполне легитимный подход, хотя он и спотыкается о существенную разницу между структурой мира, которую мы пытаемся постичь, и нашим собственным образом мысли. Наша настоятельная потребность в причинах и следствиях вполне удовлетворяется, когда каждому процессу отвечает одна-единственная причина. В действительности, однако, внешний мир вряд ли устроен таким образом: каждое событие представляется обычно сверхобусловленным, то есть оказывается следствием нескольких налагающихся причин. Страшась бесчисленных усложнений, исследователи, как правило, выбирают какую-нибудь одну причинно-следственную цепь, отбрасывая другие, и рассуждают о противоречиях, которые не существуют в природе, а являются всего лишь следствием этого расчленения сложной структуры.

Поэтому если исследование какого-то конкретного случая демонстрирует исключительную роль в нем одной человеческой личности, не следует упрекать себя, будто, принимая этот вывод, мы наносим удар доктрине безличных массовых факторов. В действительности, несомненно, есть место и для того, и для другого. Впрочем, в генезисе монотеизма, по правде говоря, невозможно указать другие массовые факторы, кроме названных мною, а именно установления тесных связей между разными народами и существования великой империи.

Сохраним поэтому место для "великого человека" в этой цепи, точнее, сети важнейших причин. Согласимся также, что великий человек влияет на своих современников двояко: самой своей личностью - и той идеей, которую он выражает. Такая идея может выражать давние желания масс, или указывать их желаниям новые цели, или опять-таки увлекать их иными способами. Иногда - но это, конечно, самый примитивный случай - влияние может оказывать прежде всего сама личность, тогда как идея играет подчиненную роль. Зато у нас нет никаких сомнений, почему вообще появляются великие люди. Мы знаем, что огромное большинство человечества испытывает сильнейшую потребность в

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org авторитете, которому можно было бы подчиняться, который бы господствовал и порой даже угнетал своих последователей. Психология индивидуума объясняет, откуда берется эта потребность масс. Это не что иное, как потребность в отце, которая живет в каждом из нас с детства, в том самом Отце, победой над которым похваляются герои мифов. И теперь мы начинаем понимать, что все черты, в которые мы приодеваем великого человека, это черты отца, что в этом сходстве и состоит суть великого человека. Решительность мысли, сила воли, мощность деяний – все это черты отцовского облика; но превыше всего – вера в себя и независимость духа, та божественная уверенность великого человека в правильности своих действий, которая порой может переходить в безоглядность. Им нельзя не восхищаться, ему нельзя не верить, но невозможно избавиться и от страха перед ним. Нам следовало искать ключик в самом слове: кто еще, кроме отца, может быть "великим" для ребенка?

Вне сомнения, Моисей, снизошедший до несчастных еврейских рабов, чтобы сказать им, что они – его возлюбленные дети, был для них гигантской отцовской фигурой. И не менее величественной должна была показаться им концепция единственного, вечного, всемогущего Бога, который счел их достойными завета с Ним и обещал заботиться о них, если они будут блюсти Ему верность. Возможно, им было нелегко отделить образ этого человека Моисея от образа его Бога, и в этом они были инстинктивно правы, потому что Моисей наверняка воплотил в образе своего Бога некоторые собственные черты, – вроде вспыльчивости и неумолимости.

Но если, с одной стороны, фигура великого человека выросла до божественной, то, с другой, самое время напомнить, что и отец когда-то был ребенком. Великая религиозная идея, которую провозглашал этот человек Моисей, как я уже отмечал, не принадлежала ему; он заимствовал ее у своего царя Эхнатона. А сам Эхнатон – величие которого как основателя религии доказано вне всяких сомнений – возможно, следовал откровениям, которые через его мать или другими путями – пришли к нему с Ближнего или Дальнего. Востока.

У нас нет возможности проследить эту нить еще дальше. Но если наши рассуждения до сих пор шли правильным путем, то это означает, что идея монотеизма, наподобие бумеранга, вернулась в страну своего происхождения. Представляется бесплодным гадать, каковы заслуги того или иного индивидуума в развитии этой идеи. Несомненно, в этом развитии приняли участие и в него внесли свой вклад многие люди. С другой стороны, было бы ошибкой прервать причинную цепь на Моисея и пренебречь тем, что сделали его преемники, еврейские пророки. Монотеизм не укоренился в Египте. Та же неудача могла повториться в Израиле, когда народ повернулся к Ягве, отбросив навязанную ему неудобную, претенциозную религию. Однако в еврейской массе раз за разом появлялись люди, которые заново расцвечивали живыми красками поблекшую традицию, заново возрождали память о Моисее и его требованиях и не успокаивались, пока не отвоевывали утраченные было позиции. Благодаря этому непрестанному многовековому усилию и – не в последнюю очередь – двум великим реформам, до и после вавилонского пленения, в конце концов, и произошло обратное превращение народного божества Ягве в того Бога, поклонение которому Моисей некогда навязал евреям. Эта способность коллектива, позже ставшего еврейским народом, выдвинуть из своей среды столь многих людей, готовых взять на себя ношу моисеевой религии в обмен за убеждение в избранности своего народа, несомненно, является свидетельством некой особой психологической структуры.

4. Прогресс духовности;

Чтобы оказать длительное психологическое! воздействие на коллектив, недостаточно убедить людей, что они специально избраны Богом, – нужно эту избранность подтвердить. В религии Моисея таким подтверждением был Исход; Бог – или Моисей от Его имени – не уставал напоминать об этом доказательстве Своей благосклонности. Чтобы сохранить его в памяти людей, был установлен праздник Пасхи, точнее – прежний праздник был привязан к этому воспоминанию. Но позднее Исход стал уже далеким прошлым. К этому времени знаки Божьей благосклонности были довольно скучны: судьба народа Израиля свидетельствовала, скорее, о Его неувольствии. Мы знаем, что примитивные народы имеют обычай наказывать и даже свергать своих богов, если они не выполняют своей обязанности даровать людям победу, богатство и благополучие. Во все века так поступали с царями; тем самым подтверждается соответствие царей и богов, то есть их древнее общее происхождение. Современные народы тоже имеют привычку избавляться от своих правителей, едва лишь блеск их правления слегка затмевается неудачами, да если они к

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
тому же сопровождаются потерей земель и богатств. Почему же парод Израиля
тем крепче держался за своего Бога, чем хуже Он с ним обращался? Этот
вопрос мы пока оставим открытым.

Задумаемся лучше, дала ли религия Моисея евреям еще что-нибудь, кроме
возросшей - благодаря сознанию "избранности" - уверенности в себе. И
впрямь, нетрудно указать еще один элемент. Новая религия дала евреям также
куда более грандиозное представление об их Боге, или, выражаясь более
осторожно идею более величественного Бога. Каждый, кто верил в этого Бога,
соприкасался с Его величием и мог ощущать себя возвышенным. Скажем,
гордость англичанина за величие Британской империи коренится в чувстве
большой безопасности и защиты, которое он ощущает. Но то же самое верно и в
отношении великого Бога, а поскольку человек вряд ли может претендовать на
участие в Божественном управлении миром, то его гордость за величие своего
Бога связана, прежде всего, с тем, что этот Бог именно его "выбрал".

Но среди предписаний этого Бога есть одно, значение которого много больше,
чем представляется на первый взгляд. Это запрет на изготовление подобий
Бога, который, по сути, означает приказ поклоняться Богу незримому. Я
полагаю, что в этом пункте Моисей превзошел в строгости даже религию Атона;
его Бог не должен был иметь ни имени, ни облика. Этот запрет поначалу был,
видимо, еще одной предосторожностью против магических ухищрений. Но, будучи
принят, он неизбежно должен был оказать глубокое влияние на евреев. Ибо он
означал подчинение чувственных ощущений абстрактной идее; это была победа
духа над чувствами, или, более строго, отказ от удовлетворения
инстинктивных потребностей со всеми вытекающими отсюда психологическими
последствиями.

Чтобы понять значение этого шага, следует поставить его в ряд с другими
процессами аналогичного характера в развитии человеческой культуры. Самый
ранний из них и, возможно, самый важный мы можем различить лишь в неясных
очертаниях архаического прошлого. Только его поразительно долгое влияние
заставляет нас заключить, что он действительно имел место. У наших детей, у
взрослых невротиков, у примитивных племен мы обнаруживаем психический
феномен, который я называю верой во "всемогущество мысли", иными словами
переоценку того влияния, которое наши духовные способности - умственные, в
данном случае - могут оказать на окружающий мир, вызывая в нем желаемые
изменения. Вся магия, эта предшественница науки, в сущности, основана на
таком представлении. Сюда относится вся магия заклинаний, равно как и вера
в могущество, связанное со знанием и произнесением некоего имени. Можно
предположить, что эта вера во "всемогущество мысли" была выражением
чувства, некогда охватившего человечество, когда оно овладело речью и
благодаря этому вступило на путь небывалого взлета интеллектуальных
способностей. Именно тогда перед человечеством открылась новая область
"духовного", в которой решающее значение приобрели концепции, воспоминания
и умозаключения - в отличие от чисто физической активности, связанной с
непосредственными восприятиями органов чувств. Это, несомненно, было одним
из важнейших этапов становления человека.

Другой процесс, происходивший уже в более поздние времена, появляется перед
нами в более ощутимой форме. Под влиянием внешних условий (которые нам нет
нужды здесь прослеживать) произошла смена матриархальной структуры общества
патриархальной. Естественно, это повлекло за собой революцию в существующих
законах. Отголосок этой революции все еще слышится в эсхиловской "Орестее".
Такой поворот от матери к отцу - означал, прежде всего, еще одну победу
духовного над чувственным, иными словами - еще один этап развития культуры.
Ведь материнство ощущимо непосредственно, тогда как отцовство - это вывод,
основанный на умозаключении и предположении.

В какой-то момент между этими двумя событиями произошло еще одно,
обнаруживающее тесную связь с происхождением религии. Человек пришел к
представлению о существовании неких "спиритуальных" сил, иными словами
таких, которые нельзя уловить органами чувств, в частности зрением, но
которые, тем не менее, оказывают несомненное, даже исключительно сильное
воздействие. Если верить показаниям человеческих языков, первый духовный
образ возник благодаря движению воздуха, ибо само духовное начало получило
свое название от дуновения ветра ("анимус", "спиритус", на иврите -
"руах"). Так возникла идея "души" как некоего духовного стержня личности.
Наблюдения обнаружили этот "руах" в человеческом дыхании, которое
прекращается со смертью; еще и сегодня мы говорим о том, что умирающий
"испустил последнее дыхание". Отныне перед человеком открылась область

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org духов, и он принял поспешно наделять все существующее в природе той душой, которую обнаружил в самом себе. Весь мир стал одухотворенным, и наука, появившаяся много позже, оказалась перед трудной задачей восстановления первичного состояния вещей так и не покончив с ней по сей день.

Благодаря Моисееву запрету. Бог был поднят на высший уровень духовности; тем самым был открыт путь к дальнейшим изменениям идеи Божества, о которых я скажу позже. Сейчас интереснее другое следствие. Прогресс духовности, несомненно, вел к росту человеческой уверенности в себе, к тому, что люди начинали считать себя выше тех, кто еще оставался во власти непосредственных ощущений. Мы знаем, что Моисей дал евреям гордое сознание "избранности" Богом; но, дематериализовав этого Бога, он внес еще один важный вклад в тайную духовную сокровищницу народа. Впоследствии евреи сохранили эту свою склонность к духовному. Все позднейшие политические неудачи научили их ценить то единственное, что они сохранили, свои писаные хроники, как некое величайшее достояние. Не случайно сразу же после разрушения Титом Иерусалимского Храма рабби Иоханан бен Закай попросил разрешения открыть в Явне первую школу для изучения Торы. С того момента Священная Книга и ее изучение оставались тем единственным, что удерживало рассеянный народ в единстве.

Все это хорошо известно, и я хотел только подчеркнуть, что это специфически характерное для евреев развитие было инициировано именно моисеевым запретом на поклонение Богу в видимом облике.

Предпочтение, которое евреи в течение двух тысяч лет отдавали духовным начинаниям, несомненно, оказало влияние на их характер; оно помогло им выстроить плотину, защищавшую их от насилия и жестокости, которые обычно торжествуют там, где идеалом является чисто физическое совершенство. Увы, гармоническое развитие физического и духовного, достигнутое греками, не было уделом евреев. В конфликте духа и плоти они отдали предпочтение тому, что имело большее культурное значение.

5. Подавление инстинктов – против их удовлетворения

Вообще говоря, вовсе не очевидно, почему прогресс духовности и подчинение ему чувственных потребностей должны способствовать росту гордости человека или народа. На первый взгляд, такая связь требует наличия определенной системы ценностей, уже утвердившейся в сознании человека или общества. Чтобы разъяснить этот процесс, обратимся к аналогичной ситуации, которая была изучена нами в индивидуальной психологии.

Когда "Ид" предъявляет человеку некое инстинктивное требование эротического или агрессивного характера, простейшей и естественной реакцией нашего "Эго" (которое управляет мышечной иннервацией и мыслительным аппаратом) будет удовлетворение этого требования с помощью соответствующего действия. Такое удовлетворение инстинктивной потребности ощущается нами как наслаждение, тогда как ее неудовлетворение будет, несомненно, источником дискомфорта. Случается, однако, что Эго отказывается от удовлетворения инстинкта в силу внешних препятствий, – когда оно сознает, что требуемое действие может серьезно угрожать ему самому. Такое воздержание от удовлетворения, такое "подавление инстинктов", обусловленное внешними причинами (или, как мы говорим, подчинение "принципу реальности"), никогда не бывает приятным. Подавление инстинктов влечет за собой длительное болезненное напряжение – разве что мы ухитrimся уменьшить инстинктивную потребность путем переключения энергии. Но подавление инстинктов может быть также навязано нам другими причинами, которые правильно назвать внутренними. В ходе индивидуального развития часть препятствующих сил внешнего мира превращается во внутренние, так сказать – "интернализуется"; внутри Эго возникает определенный стандарт дозволенного поведения, который противостоит нашим инстинктивным потребностям с помощью размышлений, самокритики и системы запретов. Этот новый стандарт мы называем "Супер-Эго". Отныне Эго, прежде чем решиться на удовлетворение инстинктов, должно учесть не только внешнюю опасность, но и возражения Супер-Эго, а поэтому у него, больше оснований воздержаться от такого удовлетворения. Но в то время как подавление инстинктов по чисто внешним причинам всегда влечет за собой только дискомфорт, подавление по причинам внутренним, по требованию Супер-Эго, приносит и другой результат. Вместе с неизбежной болью оно дает и своеобразное наслаждение, так сказать – суррогат удовлетворения. Эго ощущает себя "на высоте", оно гордится отказом от

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org удовлетворения инстинктов как неким ценным достижением. Я полагаю, что механизм этого ощущения можно объяснить. Ведь по сути Супер-Эго является попросту преемником и заместителем родителей (и воспитателей), которые контролировали наши действия в первые годы жизни; оно перенимает их функции почти без перерыва. Потому-то оно и может держать Эго в подчинении и оказывать на него постоянное давление. Как и в детстве, Эго стремится сохранить любовь своего господина, а потому воспринимает его похвалу как облегчение и удовлетворение, его порицания – как угрызения совести. Когда Эго идет на жертву, отказываясь от удовлетворения инстинктов, оно ожидает награды в виде еще большей любви со стороны Супер-Эго. Сознание, что оно "заслужило" такую любовь, ощущается им как гордость. В детстве, когда внешний авторитет еще не интернализовался внутри нас в виде Супер-Эго, отношения между страхом утраты любви и требованиями инстинкта были, видимо, точно такими же. Когда из любви к родителям мы подавляли свои инстинкты, то ощущали, что взамен гарантировали себе покровительство и удовлетворение. Эти-то положительные ощущения и превратились в почти нарцисстическое чувство гордости после того, как родительский авторитет превратился в часть нашего Эго.

В чем, однако, эти рассуждения помогают понять интересующий нас процесс, а именно – рост уверенности в себе, который сопровождает прогресс духовности? На первый взгляд, обстоятельства уж очень различны. Представляется, что прогресс духовности не сопровождается ни подавлением инстинктов, ни появлением того авторитета или Высшего стандарта, во имя которого приносится жертва. Впрочем, сразу же очевидно, что второе утверждение является попросту поверхностным. Роль авторитета, ради которого предпринимается болезненное усилие, в нашем случае играет великий человек, а поскольку это происходит потому, что он является суррогатом отца, нас не должно удивлять, что массовая психология отводит ему роль некоего "коллективного Супер-Эго". Это верно и для Моисея в его отношении к еврейскому народу. Но по другим пунктам аналогия действительно обнаруживается не сразу. В самом деле, прогресс духовности означает, прежде всего, что так называемые высшие интеллектуальные процессы ставятся выше непосредственных ощущений. Примером тому является решение, что отцовство важнее материнства, хотя первое не может быть подтверждено ощущениями, в отличие от второго. Другим примером является утверждение: наш Бог самый великий и могучий, потому что он невидим, как душа. Но все это весьма отличается от подавления сексуальных или агрессивных инстинктивных потребностей. Во многих случаях прогресса духовности – например, в процессе становления отцовского права – мы даже не можем указать тот авторитет, который устанавливает новую шкалу ценностей. Им не может быть Отец, поскольку он сам становится таким авторитетом лишь в результате такого процесса. Короче, мы сталкиваемся с ситуацией, когда в ходе развития человечества мир чувств постепенно подчиняется духовному миру, и человек ощущает гордость и подъем на каждой очередной стадии этого процесса, но при этом мы не знаем, почему так происходит. Еще позже сам духовный мир человека оказывается подчиненным совершенно загадочной власти веры. Провозглашается знаменитое "верую, ибо абсурдно", и тот, кто уверовал, воспринимает свой шаг как величайшее достижение.

Не исключено, что общим для всех этих психологических этапов является нечто иное. Возможно, человек попросту решает, что высшим является то, чего труднее всего достигнуть. Тогда чувство гордости оказывается всего лишь нарциссизмом, 'который усилен сознанием, что он преодолел трудности.'

Все эти рассуждения не очень-то плодотворны. Может показаться, что они не имеют никакой связи с нашим вопросом о происхождении еврейского национального характера. Разумеется, то, что мы уже прояснили, тоже не бесполезно. Но оказывается, что ход наших рассуждений все-таки имеет кое-какую связь с интересующей нас проблемой.

Дело в том, что религия Моисея, которая началась с запрета на изображение ее Бога, в ходе столетий действительно все более и более становилась религией подавления инстинктов. Не то, чтобы она требовала полового воздержания; тут она удовлетворялась лишь определенным ограничением сексуальной свободы. Зато сам ее Бог оказался полностью очищен от сексуальности. Он был возвышен до уровня этического идеала. А этика как раз и означает запрет на удовлетворение инстинктов. Пророки не уставали напоминать, что их Бог требует от людей справедливой и достойной жизни, иными словами – воздержания от поблажки тем склонностям, которые, по сегодняшним моральным стандартам, мы осудили бы как порочные. Самая

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
ревностная вера в Господа объявлялась менее важной, чем выполнение этих
этических требований. Таким образом, подавление инстинктов, поначалу
отсутствовавшее в религии Моисея, постепенно начинает играть в ней ведущую
роль.

Здесь уместно сделать замечание, которое поможет избежать недоразумений. Кое-кто может заявить, что это подавление инстинктов и основанная на нем этика вообще не относятся к сфере религии. Легко, однако, показать, что в действительности они растут из одного и того же корня. Уже тотемизм, первая из известных нам форм религии, содержит, и притом неустранимо, ряд законов и запретов, которые явно предусматривают подавление инстинктов. Сюда относится поклонение тотему, запрещающее убивать соответствующее животное; экзогамия (иными словами, отказ от страстного желания обладать материами и сестрами своей орды); предоставление равных прав всем членам братского клана (то есть отказ от стремления разрешить соперничество с помощью грубой силы). Все эти правила представляют собой первые зародыши некой моральной и социальной упорядоченности. Первые два запрета действуют в том же духе, который навязывал убитый сыновьями отец; иными словами, они осуществляют его волю. Третий закон диктуется необходимостью сохранить тот новый порядок, который установился после отцовской смерти; в противном случае возврат к прежнему нетерпимому положению вещей стал бы неизбежен. Этот социальный закон отделяется от двух первых, этических, которые, можно сказать, проис текают непосредственно из религиозного контекста.

В процессе индивидуального развития каждого человека мы видим повторение этих этапов, лишь в сжатом - во времени - виде. Здесь тоже все начинается с родительского авторитета, в данном случае - авторитета всемогущего отца, который обладает властью наказывать, требует от ребенка подавления инстинктов и решает, что разрешено и что запрещено. То, что ребенок привыкает считать "хорошим" или "плохим", позднее, когда Реальность и Супер-Эго заменяют родителей, становится "добром" и "злом" в моральном смысле. Но механизм действия этих моральных категорий по-прежнему тот же самый: подавление инстинктов благодаря присутствию внутреннего и внешнего "авторитета", заменившего и продолжающего функцию родителей.

Любопытно в этой связи рассмотреть такую странную религиозную концепцию, как "священное", "сакрум". С одной стороны, связь между сакральным и религиозным несомненна; все, связанное с религией, сакрально, это составляет самую суть сакральности. С другой стороны, мы знаем, как часто пытаются объявить священными определенных людей, институции или обычай, которые не имеют ничего общего с религией. Эти попытки зачастую явно тенденциозны. В подлинно сакральном главное - это некий запрет, который тесно связан с религией. Сакральное - это нечто такое, чего нельзя касаться. Сакральный запрет имеет, как правило, очень сильную эмоциональную окраску, но лишен какого бы то ни было рационального обоснования. Почему собственно инцест, то есть совокупление с собственной дочерью или сестрой, является таким страшным сексуальным преступлением в сравнении со всеми другими сексуальными актами? Нам объясняют, что все наши чувства якобы восстают против такого поступка. Но это означает всего лишь, что запрет должен приниматься без рассуждений, что мы не знаем, как его объяснить.

Легко доказать, что предлагаемые нам "объяснения" иллюзорны. Тот самый инцест, который якобы оскорбляет все наши чувства, некогда был общепринятым обычаем, можно даже сказать - священной традицией в правящих семьях Египта и других стран. Фараоны женились, прежде всего, на своих сестрах, и преемники фараонов, греческие Птолемеи, без всяких колебаний следовали их примеру. Таким образом, на Востоке инцест - в данном случае, между братом и сестрой был прерогативой, запрещенной лишь для простых смертных и зарезервированной для царей, этих богов в земном обличье. Мир греческих и германских мифов о богах и героях тоже не исключает таких инцестных связей. Можно даже предположить, что жгучая озабоченность "родословной" среди современной европейской аристократии является остатком этой древней привилегии, и мы видим, что в результате кровосмешения, продолжавшегося в высших социальных кругах многие столетия, все коронованные персоны Европы принадлежали фактически к одной семье.

Существованием инцеста богов, царей и героев опровергается и "объяснение" страха перед инцестом биологическими причинами, то есть интуитивным "пониманием" опасности кровосмешения. Если мы и сегодня не знаем в точности, существует ли такая опасность вообще, то что говорить о первобытных племенах, наложивших некогда этот запрет?

Наша реконструкция происхождения религии требует от нас иного объяснения. Страх перед инцестом попросту служил подкреплением закона экзогамии, который отражал волю Отца и сохранился после его смерти. Именно отсюда идет сила его эмоционального влияния и невозможность рациональной мотивировки, короче – его "сакральность". Я готов предсказать, что дальнейшие исследования других сакральных запретов дадут тот же результат: все "сакральное" первоначально было ничем иным как сохранившейся волей первобытного Отца. Такое толкование проясняет, кстати, и двусмысленность самого слова "сакральное". Ведь "сакер" означает не только "священный", "благословенный", но и нечто такое, что переводится как "заклятый", "неприкасаемый". Двусмысленность эта отражает амбивалентность отношения сыновей к Отцу. Его воля навязывала безусловное почитание и одновременно вызывала судорожный трепет, поскольку требовала от сыновей болезненного подавления их инстинктов. Теперь мы понимаем скрытый смысл претензии Моисея, что он "освятил" свой народ, введя обычай обрезания. Обрезание – это попросту символический суррогат кастрации, то есть наказания, которым первобытный Отец в полноте своей власти угрожал сыновьям; евреи, приняв этот символический обычай, продемонстрировали, что готовы подчиниться воле Отца, хотя это и означало для них мучительную жертву. Таким образом, обрезание действительно имеет все черты "священного", "сакрального" обычая.

Возвращаясь к этике, мы можем теперь сказать, что в то время как часть наших заповедей вполне рационально объясняется необходимостью отделить права коллектива от прав индивидуума, права индивидуума от прав коллектива и права одного индивидуума от прав другого, все прочие этические запреты, которые представляются нам сегодня загадочными, величественными и – почти мистически – самоочевидными, обязаны своим происхождением – воле отца, окаменевшей в виде религиозных предписаний.

6. Истина в религии .

Как завидуем порою мы, неверующие, тем, кто убежден в существовании Высшей Силы, для которой в мире нет никаких проблем, ибо она сама этот мир создала! Насколько более всеобъемлющи, исчерпывающи и окончательны представления верующих о миропорядке в сравнении с теми трудоемкими, скучными и обрывочными попытками объяснений, на которые мы в лучшем случае способны! Не иначе, как Божественный Дух, сам по себе воплощение этического совершенства, заложил в душе такого человека знание об идеале и одновременно стремление к нему. Такой человек безошибочно знает, что считать благородным и возвышенным, а что – отвратительным и низменным. Всю свою эмоциональную жизнь он оценивает степенью приближения к желаемому идеалу. Он считает себя достойным, когда – в перигелии, так сказать – подходит к нему ближе всего; и ощущает мучительный дискомфорт, когда – в апогее – удаляется от него на самое далекое расстояние. Все для него так просто и так нерушимо предоставлено! Нам остается лишь сожалеть, что некоторые жизненные обстоятельства и научные факты делают для нас невозможным принять гипотезу о таком Высшем Существе. И словно бы в мире недостаточно проблем, мы еще добавок стремимся понять, каким образом те, кто верит в Божественное Существо, обрели свою веру и как эта вера возымела над ними такую власть, что заставляет их игнорировать и Разум, и Науку.

Вернемся, впрочем, к той скромной задаче, которая занимала нас до сих пор. Мы начали с того, что вознамерились объяснить, как возник тот специфический характер еврейского народа, который, по всей видимости, помог этому народу выжить. Мы обнаружили, что некий человек Моисей наделил евреев этим характером, дав им религию, которая настолько возвысила их в собственных глазах, что они сочли себя выше всех других народов. В сущности, они выжили благодаря тому, что сторонились других. Некоторое неизбежное смешение крови ничего не меняло, потому что евреев объединяло нечто идеальное – некие общие интеллектуальные и эмоциональные ценности. Моисеева религия сумела создать это единство, поскольку она: а) приобщила народ к величию новой концепции Божества, б) утверждала, что евреи "избраны" этим великим Божеством и предназначены быть объектом Его особой благосклонности и в) навязала еврейскому народу веру в чисто духовного, интеллектуально, а не чувственно постигаемого Бога, то есть прогресс духовности, а это открыло путь к почитанию интеллектуальной деятельности вообще (и тем самым – к дальнейшему подавлению инстинктов). Таковы полученные нами выводы, но хоть я и не намерен отказываться от чего-либо сказанного выше, я не могу не ощущать некую неудовлетворенность. Вспомним определенный пункт наших

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org предыдущих рассуждений. Мы установили, что религия Моисея не оказала своего влияния немедленно, а действовала странным обходным способом. Было бы понятно, если бы ее воздействие потребовало просто длительного времени, пусть даже многих столетий, - ведь, в конце концов, речь идет о формировании национального характера. Но когда мы упоминаем "обходный способ", то имеем в виду совсем другое уточнение, извлеченное нами из истории еврейской религии. Произошло так, что евреи на некоторое время вообще отвергли Моисееву религию (неизвестно, впрочем, - полностью или сохранив некоторые из ее предписаний). Все долгое время завоевания Ханаана и борьбы с населявшими его народами религия Ягве не очень отличалась от поклонения другим "Баалим". Это утверждение поконится на твердой исторической почве, какие бы ни делались позже тенденциозные попытки скрыть это постыдное положение вещей. Однако Моисеева религия не исчезла абсолютно: В устной традиции народа сохранилось своего рода воспоминание о ней, некий туманный и искаженный отголосок, поддерживаемый, по всей видимости, отдельными членами жреческой касты. И вот это-то воспоминание о великом прошлом продолжало исподволь наращивать свою власть над умами евреев; постепенно оно приобрело решающую власть над воображением еврейских масс и тогда произошло превращение Бога Ягве в Бога Моисея, то есть возрождение той религии, которую Моисей провозгласил столетия назад.

Чем объяснить эту отсроченную на столетия победу традиции?

7. Возвращение подавленного

Для разъяснения поищем аналогичные процессы в нашей собственной ментальной жизни. Такие процессы существуют. Одни из них считаются патологическими, другие относятся к спектру нормальных, но это различие несущественно, поскольку границы тут не могут быть проведены совершенно строго, а механизмы в обоих случаях одни и те же. Из богатого материала, имеющегося в моем распоряжении, я выберу примеры, связанные со становлением характера.

Некая молодая девушка развивается в решительном контрасте со своей матерью; она культивирует в себе все качества, отсутствующие у матери, и избегает всего, что свойственно той. В детстве она, как и любая другая маленькая девочка, во всем подражала матери, поэтому впоследствии ей пришлось весьма энергично преодолевать эту идентификацию. Тем не менее, когда она выходит замуж и сама становится женой и матерью, она с удивлением обнаруживает, что начинает все больше и больше походить на мать, которую считала такой чуждой. В конце концов, эта тождественность, которую она некогда преодолела, торжествует в ее характере снова. Аналогичный процесс происходит и с мальчиками, - даже великий Гете, который в юношеские годы явно не очень высоко чтил своего педантичного и сурового отца, в старости обнаруживал все признаки его характера. Это возвращение отвергнутого всегда тем разительней, чем ярче был исходный контраст. Я знал юношу, который был воспитан поистине недостойным и ничтожным отцом. Вопреки ему он сумел стать деятельным, надежным и уважаемым человеком. Затем, в самом расцвете жизни, его характер неожиданно и резко изменился: он стал вести себя так, словно отец стал для него образцом.

Давно известно, что впечатления первых пяти лет жизни оказывают решающее влияние на весь наш дальнейший жизненный путь. Все последующие события тщетно борются с этим влиянием. Самые сильные стремления взрослого человека растут именно из тех переживаний и впечатлений, которые он получил ребенком, в том возрасте, когда его психика - как у нас есть все основания считать - не готова была даже их осознать.

Этот процесс последующего влияния, "проявления" ранних впечатлений можно было бы сравнить разве что с фотографированием, когда мы проявляем и превращаем в зримое изображение то, что было снято аппаратом давным-давно. Я могу привести также свидетельство писателя-фантаста, который указал на это странное обстоятельство со всей решительностью, присущей писателям такого рода. Знаменитый Гофман склонен был объяснять богатство своего писательского воображения в зрелые годы тем, что в детстве, будучи еще грудным ребенком, он несколько недель подряд путешествовал с матерью в почтовой карете и непрерывно впитывал - не понимая и не осознавая - быстро сменявшие друг друга разнообразные впечатления. То, что мы переживаем, не поняв, в первые годы жизни, мы никогда больше не можем припомнить, разве что во сне. Только психоаналитический метод позволяет нам узнать о существовании в нас этих впечатлений. И, тем не менее, в любой момент более поздней жизни это скрытое в нас прошлое способно ворваться в наше сознание,

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org с навязчивой импульсивностью продиктовать нам наши поступки, заставить полюбить или невзлюбить тех или иных людей и зачастую предопределить выбор объекта наших страстных желаний – выбор, который мы даже сами себе затрудняемся рационально обосновать.

Отсюда легко перейти к механизму образования неврозов. Дело в том, что и в образовании неврозов решающую роль также играют впечатления раннего детства, но вдобавок к ним в игру на сей раз вступает еще и процесс, противостоящий этим впечатлениям – реакция подавления. Схематически это выглядит так: в результате определенного переживания возникает инстинктивная потребность, жаждущая удовлетворения. Однако Эго избегает дать такое удовлетворение инстинктам – либо потому, что парализовано избыточностью требования, либо потому, что распознает в нем опасность. Это защищается тем, что так или иначе подавляет возбуждение, загоняет его, так сказать, "в подполье": ребенок забывает возбуждающий фактор вместе с переживаниями и ощущениями, к нему относящимися. Однако на этом дело не кончается. Инстинкт либо сохраняет свою силу, либо восстанавливает ее, либо – еще вариант заново пробуждается в сходной ситуации. Он возобновляет свои претензии, а поскольку путь к их нормальному удовлетворению прегражден тем психическим блоком, который можно назвать "шрамом (бывшего) подавления", то инстинкт, как правило, добивается своего в каком-нибудь другом, более уязвимом пункте. В результате этого "обходного маневра" инстинкт получает свое – но уже в виде так называемого "суррогатного удовлетворения", не имеющего санкции Эго и им не осознаваемого. В сущности, появление этих суррогатов удовлетворения является симптомом того, что подавленный инстинкт вновь предъявил свои требования, так что весь процесс образования симптомов можно по справедливости назвать "возвращением подавленного". Крайне существенно, однако, что на сей раз подавленное возвращается уже в "замаскированной", то есть измененной или искаженной по сравнению с исходной, форме (ибо только в таком виде оно может обойти блоки в Эго).

Я надеюсь, что эта аналогия позволит нам полнее понять результаты, к которым приводит подавление инстинктов в ходе человеческой истории.

8. Историческая правда

Все мои психологические экскурсы имели целью сделать более убедительным тезис, что Моисеева религия оказала влияние на еврейский народ лишь после того, как вернулась в виде более или менее подавленной традиции (соответствующей у индивидуума подавленному переживанию детства). Но пока мы едва лишь сделали этот тезис более или менее вероятным. Даже если бы мне удалось его доказать, все равно останется ощущение, что мы выполнили только качественную часть нашей задачи. Во всех вопросах, связанных со становлением религии – и уж конечно становлением еврейской религии, – остается нечто величественное, доселе не ухваченное никакими нашими рассуждениями. В этом процессе должны участвовать, следовательно, и какие-то иные факторы, для которых вряд ли можно указать вполне адекватные аналогии, – факторы, столь же уникальные и мощные, как сама вырастающая из них система религиозных убеждений.

Посмотрим, нельзя ли подобраться к этим факторам с обратной стороны. Мы понимаем, что первобытный человек нуждался в боже, который был бы устроителем мира, вожаком его орды, той силой, которая возьмет на себя заботу о нем. Поклонение такому богу постепенно вызревает в тени поклонения умершим предкам, о которых традиция все еще кое-что помнит. Человек и в более поздние времена – наше, например, – тоже остается по сути инфантильным и так же нуждается в покровительстве, даже когда считает себя совершенно взрослым; он и тогда не может отказаться от помощи своего бога. Все это бесспорно, и, тем не менее, трудно понять, почему этот бог должен быть Единственным и почему переход от политеизма к монотеизму представляется участвующим в нем людям событием столь грандиозного значения. Верно, мы показали выше, что верующий соучастует в величии своего бога, и чем могущественнее этот бог, тем надежнее его покровительство. Но бог может быть могущественным, и не будучи единственным: многие народы тем более чтили своего главного бога, чем многочисленнее было семейство низших богов, над которыми он властвовал, и это его величие нисколько не уменьшалось оттого, что существовали и другие боги. Кроме того, если бог один, то есть, универсален и правит над всеми землями и народами, то каждый отдельный человек (или народ) неизбежно утрачивает нечто от интимной связи с ним ведь ему приходится, так сказать, делить своего бога с чужеземцами. (Впрочем, он может компенсировать себя

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
убеждением, что именно к нему этот бог все же более благосклонен, чем к другим). Верно также, что принятие концепции единого бога означает огромный шаг по пути духовности; но это тоже не помогает нам объяснить, чем такая концепция могла покорить умы людей поначалу.

Истинно верующий человек знает ответ на наш вопрос. Истинно верующий человек, несомненно, скажет, что идея единственного бога потому произвела столь грандиозное впечатление на человечество, что в ней содержалось зерно "Вечной Истины". Доселе скрытая, эта Истина наконец-то воссияла людям и в ее блеске утонуло все то, что властвовало над умами прежде. Нельзя не согласиться, что вот тут мы действительно видим, наконец, такую причину, которая по величию сопоставима со своим следствием.

Я был бы рад принять это объяснение. Но меня останавливает следующее. Эта ссылка на неотразимую привлекательность Истины основана на оптимистических и идеалистических предположениях. На самом же деле человеческий интеллект вовсе не обнаруживает такого уж хорошего юха на истину, да и не проявляет такой уж пылкой готовности ее принять. Напротив, весь наш прежний опыт говорит, что интеллект легко сбивается с истинного пути, сам о том не подозревая, и нет для него ничего более привлекательного, чем то, что идет навстречу его желаниям и иллюзиям (независимо от "истинности"). Вот почему приведенное объяснение нуждается в модификации. Я готов признать, что ответ верующего человека разъясняет привлекательность монотеизма, но - с поправкой: древних евреев привлекала в монотеизме не столько некая "Вечная", то есть метафизическая. Истина, сколько - истина историческая. Иными словами, я не верю в то, что именуется религиозной истиной монотеизма, то есть в существование единого и всесильного бога, но верю в истинность праисторического факта, припомнившегося евреям при встрече с монотеизмом - того факта, что в первобытные времена действительно существовал единый Отец, Вожак, Повелитель, который был возведен до уровня божества. Другое дело, что для возвращения в коллективную память людей эта историческая истина должна была явиться в замаскированном, ином по сравнению с исходным виде, то есть как раз в виде "религиозной истины" Моисея.

Мы уже говорили, что религия Моисея была отвергнута и частично забыта, а позднее снова вернулась в сознание народа - в виде традиции. Теперь мы можем предположить, что этот процесс сам по себе был повторением той цепи событий, которая в дни Исхода привела к принятию религии Моисея. Когда Моисей предложил евреям концепцию Единого бога, это не было для них абсолютно новой идеей, поскольку воскрешало в их памяти первобытный опыт человеческой орды. Опыт этот давно исчез из их сознательных воспоминаний, но в свое время был столь важным и произвел - или, по крайней мере, подготовил - такой грандиозный переворот в жизни первобытной орды, что оставил, иначе и думать нельзя, некий постоянный след в человеческих душах, такое же сильное "воспоминание коллективного детства", как те, которые хранят устное предание или традиция.

Как я отмечал выше, ранние переживания людей проявляются позднее в виде навязчивых привычек, хотя сами эти переживания сознательно уже не помнятся. Мне представляется, что то же самое справедливо и для самых ранних переживаний человечества в целом. Одним из результатов такого раннего переживания и было принятие евреями концепции Единого бога. Концепцию эту, несомненно, следует считать припомнением - разумеется, искаженным, но, тем не менее, припомнением. Как всякое "возвращение подавленного", оно тоже имеет навязчивый характер; ему попросту нельзя не поддаться. В той мере, в какой историческая правда в нем бессознательно искажена, видоизменена, замаскирована, это припомнение может быть названо иллюзией; но в той мере, в какой с помощью этой концепции действительно возвращается нечто из реального прошлого, она должна быть названа истинной. Ведь индивидуальные психические иллюзии тоже содержат зерно истины: сознание больного ухватывается именно за такое зерно и благодаря этому некритически принимает и всю систему иллюзий, на нем надстроенную.

Та первичная, исходная ситуация, повторением которой - через тысячелетия - было провозглашение религии Моисея, а затем - через столетия окончательное принятие ее евреями, была реконструирована мною в 1912 году в книге "Totem und Tabu". Я использовал там некоторые теоретические рассуждения Дарвина, Аткинсона и в особенности Робертсона Смита, объединив их с открытиями и гипотезами психоанализа. У Дарвина я заимствовал предположение, что первобытные люди изначально жили небольшими ордами, каждая такая орда

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org находилась под властью старшего самца, который управлял ею с помощью грубой и жестокой силы, присваивал себе всех самок и подчинял или убивал всех молодых самцов, включая собственных детей. Аткинсон помог мне предположением, что патриархальная система была сокрушена восстанием сыновей, которые объединились против отца, свергли его и на совместном победном пиршестве съели его тело. Наконец, следуя тотемной теории Робертсона Смита, я предположил, что структуру первичной орды, в которой властвовал один вожак-Отец, сменила структура тотемистского клана братьев. Чтобы ужиться друг с другом, братья-победители должны были отказаться от тех женщин орды, ради которых, фактически, убили отца, и согласиться ввести экзогамию, то есть "брак на стороне". После свержения власти Отца семьи управлялись матриархально. Но Отец и его воля не исчезли окончательно: Отца заменило некое животное, провозглашенное тотемом-покровителем клана; оно символизировало собой Предка (или предков вообще), служило духом-хранителем клана и его запрещено было касаться или убивать. Однако раз в году весь клан собирался на совместное пиршество, во время которого "сакральное" тотемное животное разрывали на куски и пожирали. От участия в таком пиршестве никто не мог отказаться, ибо оно было ни чем иным, как символическим повторением того самого отцеубийства, с которого начались все новые социальные законы, моральные заповеди и тотемистская религия.

9. Историческое развитие

Я не могу воспроизвести здесь все содержание "Тотема и табу", но считаю необходимым несколько задержаться на том долгом периоде, который отделяет события, которые, по моему убеждению, произошли в первобытные времена, от момента торжества монотеизма - уже в исторически известное время. После победы братского клана и установления матриархата, экзогамии и тотемизма начался процесс, который точнее всего описать как медленное "возвращение подавленного материала" в коллективную память. Термин "подавленное" я употребляю здесь не в его строгом техническом смысле. Я понимаю под ним в данном случае просто нечто, произшедшее в прошлом человечества, но стершееся и преодоленное в жизни последующих поколений, и именно этим подобное "подавленному материалу" в психологической жизни отдельного индивидуума. Мы не знаем, в какой психологической форме это прошлое сохраняется в коллективной памяти, пока его покрывает мрак. Не так-то легко перевести понятия индивидуальной психологии на язык психологии масс, и я не думаю, что такой перевод легче будет сделать, если мы введем концепцию "коллективного бессознательного" - ведь, фактически, содержание всего, что бессознательно, и так в той или иной мере коллективно, то есть, принадлежит человечеству в целом. Поэтому нам лучше рассчитывать на помощь аналогий. Процессы в жизни народов, которые мы анализируем здесь, действительно сходны с теми, которые известны из индивидуальной психопатологии, но все же не вполне идентичны. Точнее было бы думать, что ментальный остаток тех первобытных времен превратился в некое коллективное психическое наследие, которое легко могло пробудиться в любом следующем поколении, даже и без повторения соответствующих событий. Такой ментальный остаток сведен, к примеру, с речевой способностью, которая присутствует у каждого ребенка без всякого специального обучения и наверняка является врожденной и одинаковой у всех народов, несмотря на различие их языков.

Возвращение подавленного происходит постепенно и все же наверняка не спонтанно, а под влиянием определенных стимулов. С течением времени патриархат восстанавливается: отец снова становится главой рода, но теперь он уже не так всемогущ, как вожак первобытной орды. Пройдя ряд последовательных и очевидных промежуточных этапов, тотем постепенно вытесняется подлинным божеством. Это божество, имеющее уже антропоморфный облик, поначалу все же сохраняет еще голову тотемного животного; позднее оно может время от времени превращаться в это животное (как в греческих мифах Зевс время от времени принимает облик быка). Еще позже бывшее тотемное животное становится попросту постоянным спутником данного божества и в этом качестве объявляется "сакральным", священным: порой миф приписывает божеству победу в бою с этим животным, - именно так в мифах на этой ранней стадии обожествления появляется фигура героя. Идея божества, как Высшего Существа, по-видимому, возникает очень рано, но поначалу она еще весьма туманна и лишена всякой связи с насущными потребностями человечества. По мере того, как племена и народы объединяются во все более широкие коллективы, их божества тоже организуются в семьи и иерархии. Часто одно из них возвышается до уровня повелителя всех других богов. Естественный следующий шаг поклонение одному-единственному богу - совершается поначалу нерешительно и на ощупь, пока, в конце концов, не

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org

складывается решение передать всю власть одному богу и не терпеть больше рядом с ним никаких других. Но это решение восстанавливает - в облике единого бога - все величие первобытного Отца; поэтому по отношению к этому богу люди снова ощущают те эмоции, которые их предки некогда ощущали по отношению к первобытному Вожаку орды - трепет и страх. Вот почему первым результатом воссоединения с тем, кого люди так давно утратили и так долго искали, становится экстатическое ошеломление - в точности, как это описано в истории дарования Закона на горе Синай. Трепетный восторг, молитвенное преклонение и бурная благодарность за вновь обещанное покровительство - религия Моисея поначалу знает только эти, позитивные чувства по отношению к божественному Отцу. Убежденность евреев в Его всесилии, их подчинение Еgo воле были на первой стадии столь же абсолютны, как у беспомощного, угнетенного сына по отношению к отцу-вожаку в первобытной орде; и действительно, эти эмоции можно полностью понять, только предположив, что народ снова обратился в примитивную и инфантильную орду. Инфантильные эмоции вообще намного сильнее и неистощимо глубже, чем чувства взрослых; только религиозный экстаз способен возродить эту интенсивность. Таким образом, перенос молитвенного преклонения на Единого бога был попросту естественной первой реакцией на возрождение Великого Отца.

С этого момента дальнейшее направление развития этой отцовской религии было предопределено навсегда, - но само развитие еще не закончилось. Ведь суть отношений между отцом и сыном - в их амбивалентности; поэтому с ходом времени у евреев неизбежно должна была возникнуть такая же враждебность к своему богу, какая в первобытные времена побудила сыновей убить своего отца. В самой религии Моисея нет места для прямого выражения этой убийственной ненависти к отцу. Обнаружиться могла лишь сильнейшая реакция на такую ненависть - в виде чувства вины, вызванного, несомненно, ощущением своей скрытой враждебности к богу, но принявшей форму "угрызений совести" - из-за того, якобы, что "грешишь" и будешь "грешить" против Его заповедей. Пророки не замедлили подхватить и использовать это чувство, непрестанно напоминая евреям о их "греховности", и постепенно сознание неизбытной "вины", некоего "первозданного греха" стало органической составной частью самой религиозной системы. Надо заметить, что одновременно действовал и другой, уже чисто внешний фактор, который тоже усиливал в евреях ощущение их "вины", в то же время маскируя от них его истинное происхождение. Народ переживал тяжелые времена; надежды на покровительство могущественного бога, посевянные Моисеем, не спешили исполниться; становилось все труднее сохранять самую дорогую из иллюзий - веру в свою уникальную избранность. Чтобы сохранить эту веру, евреям нужно было как-то объяснить себе Господню суворость; наилучшим таким объяснением как раз и была собственная "вина" и "греховность": они-де сами не заслужили лучшей участи, потому что не соблюдали Его законов. Потребность успокоить это чувство вины - потребность, идущая изнутри и потому ненасытимая - толкала евреев к тому, чтобы взваливать на себя все более и более жесткие, требовательные и одновременно все более детализированные и мелочевые религиозные предписания. Тем самым они незаметно переходили к моральному аскетизму, навязывая себе постоянно растущее подавление инстинктов. Конечным результатом этого процесса было то, что евреи достигли - по крайней мере, в догме и ее предписаниях - таких этических высот, какие были недостижими для других народов античности. Многие евреи и поныне считают эти этические устремления второй главной особенностью и вторым после монотеизма - главным достижением своей религии. Наш анализ имел целью показать, как эта особенность связана с первой - с концепцией одного-единственного бога. Вся еврейская этика, наложившая такой отпечаток на еврейский национальный характер, выросла из чувства вины, вызванного подавленной враждебностью к Единому богу - этому суррогату первобытного Отца.

Дальнейшее развитие монотеистической религии выходит за рамки собственно еврейской истории. Грандиозная драма, некогда разыгравшаяся вокруг первобытного Отца, содержала и другие элементы, которые вернулись в коллективную память вместе с самим Отцом, воплощенным в фигуре Единого бога. Эти элементы не могли быть включены в Моисееву религию, но они вошли в сознание, и в результате среди всех средиземноморских народов того времени, ставших свидетелями "возвращения Отца", широко разлилось тревожное и мучительное чувство некой вины, порождавшей предчувствие надвигающейся беды, подлинной причины которой никто не понимал. Современная история говорит об "одряхлении" античной культуры. Я готов согласиться, что такое одряхление тоже играло определенную роль в ряду причин, породивших чувство удрученности и потребность избавиться от него, господствовавшие тогда среди людей. Избавление это пришло опять-таки от евреев. Хотя сырье для

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org спасительной идеи вполне можно было почерпнуть из разных (в том числе греческих) источников, потребовался, тем не менее, чисто еврейский ум – Саула из Тарсиса, которого в римском гражданстве звали Павлом, – чтобы забрезжило понимание: "Мы несчастливы потому, что некогда убили Отца (то есть бога)" Теперь нам совершенно ясно, почему путь к избавлению должен был предстать Павлу именно и только в иллюзорной форме, которая и запечателась в якобы полученном им благовестии: "Мы можем избавиться от всякой вины, если один из нас отдаст жизнь в ее искупление". В этой формулировке убийство Отца, как источник вины, не упоминалось (речь шла, скорее, о туманном "первородном грехе"), но понятно, что преступление, которое под силу искупить только жертвенной смертью, может быть лишь убийством. Дополнительную связь между религиозной иллюзией (искупление "первородного греха") и исторической истиной (искупление убийства Отца) помог установить второй тезис Павла, – что ритуальной жертвой был "Сын бога". Вернувшиеся в коллективную память воспоминания об исторической действительности первобытного прошлого придали новой вере необычайную психологическую убедительность, то есть все достоинства "Истины"; это помогло ей преодолеть все препятствия на своем пути; а взамен восхитительного еврейского чувства избранности она могла предложить людям освобождение от амбивалентности через веру в искупление своего греха перед Отцом с помощью жертвы Сына.

"Первородный грех" и его искупление с помощью жертвенной смерти стали основами новой религиозной системы, созданной Павлом. Вопрос существовал ли реально инициатор убийства первобытного Отца, некогда поднявший и возглавивший восстание сыновей против него; или эта фигура была лишь позднее создана воображением какого-либо древнего сказителя, отождествившего себя с этим вымышленным героем, нам придется оставить, видимо, без ответа. После того, как христианская доктрина прорвала границы иудаизма, она включила в себя элементы из многочисленных других источников, восприняла детали других средиземноморских ритуалов и отказалась от многих черт чистого монотеизма. Казалось, будто древний Египет восстал из пепла, чтобы отомстить наследникам Эхнатона. Примечателен, однако, способ, которым новая религия преобразовала древнюю амбивалентность отношений отца и сына. Разумеется, ее основная идея сводилась к примирению с Богом-Отцом – за счет "искупления" совершенного против него преступления; но изнанка этих отношений, то есть неустранимый аспект соперничества с Отцом, тоже нашла в ней свое выражение, воплотившись в фигуре Сына, который взял грех на свои плечи. В результате Сын стал Богом рядом с Отцом, а по существу – вместо Отца. Будучи первоначально религией Отца, христианство постепенно превратилось в религию Сына. Своего изначально завещанного ей историей предназначения – свергнуть Отца – оно не смогло избежать.

Лишь часть еврейского народа приняла новую доктрину. Те, кто отверг ее, до сих пор называются евреями. Этим решением они еще более резко, чем раньше, отделили себя от остального мира. Им пришлось услышать от нового религиозного сообщества (которое, помимо обратившихся евреев, включало египтян, греков, сирийцев, римлян, а под конец и тевтонов) обвинения в том, что они, евреи, убили нового бога. В действительности в своей очищенной от бессознательных искажений форме это обвинение должно было бы звучать так: "Они не хотят признать, что некогда участвовали в убийстве Отца, тогда как мы это признали и, принеся в жертву Сына, очистились от греха". В такой форме легче увидеть, какая правда стоит за этим обвинением. Почему евреи не захотели участвовать в том прогрессе, который начался с этого, пусть и деформированного, замаскированного признания христиан в убийстве Отца, – это вопрос, достойный особого исследования. Но из-за этого им пришлось, так сказать, "взять на себя" трагическую изначальную вину всего человечества. Им предстояло дорого за это расплатиться.

Я надеюсь, что наш анализ все же пролил некоторый свет на вопрос о том, каким образом еврейский народ приобрел те особенности, которые его отличают. Вопрос о том, как этот народ ухитрился сохраниться по сей день в виде единого целого, оказался более трудным орешком. Но неразумно было бы ожидать или требовать исчерпывающего разрешения всех подобных исторических загадок. Все, что я могу предложить, – лишь свой скромный вклад и к тому же такой, который надлежит оценивать с учетом упомянутых вначале суровых ограничений.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Фрейд Зигмунд Этот человек Моисей filosoff.org
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!